

eISSN 2311-2468
Том 12, № 16. 2024
Vol. 12, no. 16. 2024

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

АДАЕВА О. В., ЖИВАЕВА А. Д., СТОЛБОВА М. В.
КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА ЮРИСТА
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ¹

Аннотация. Данная статья посвящена анализу коммуникативных качеств юриста, необходимых при разрешении земельных споров и обусловленных спецификой соответствующей категории юридических споров. Земельные споры являются сложной категорией дел, включающей совокупность последовательных этапов взаимодействия сторон спора с участием государственных органов, экспертов и специалистов. Эффективное разрешение земельных конфликтов на практике невозможно без профессионального юриста, имеющего опыт и обладающего определенным набором коммуникативных характеристик.

Ключевые слова: земельный спор, коммуникативные качества, медиация, правовой спор, юридический конфликт.

ADAEVA O. V., ZHIVAEVA A. D., STOLBOVA M. V.
COMMUNICATION SKILLS OF LAWYER
IN RESOLVING LAND DISPUTES

Abstract. The article is devoted to the analysis of the communication skills of a lawyer necessary for resolving land disputes and conditioned by the specifics of the corresponding category of legal disputes. Land disputes are a complex category of legal cases, including a set of successive stages of interaction between the parties to the dispute with the participation of state bodies, experts and specialists. Effective resolution of land conflicts in practice is impossible without a professional experienced lawyer with a set of certain communication skills.

Keywords: land dispute, communication skills, mediation, legal dispute, legal conflict.

Различные субъекты права при вступлении в правоотношения нередко доводят ситуацию до конфликта. В силу специфики конкретного общественного отношения, урегулированного правом, возникающий спор приобретает юридизированный характер. При этом целесообразным становится механизм, позволяющий обеспечить разрешение споров (конфликтов) и поддержание нормальных взаимоотношений между его участниками.

За последнее время количество земельных споров, рассматриваемых в судах, неуклонно растет. Данная категория дел имеет свою специфику, выражающуюся в том, что привлекаются специалисты кадастрового ведомства, проводится кадастровая экспертиза [5]. Развитие отечественного земельного права обусловлено частыми изменениями

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда №23-28-01486, <https://rscf.ru/project/23-28-01486/>.

законодательства, отсутствием систематизированного опыта разрешения таких конфликтов. Исходя из этого, следует отметить, что разрешение земельных споров является актуальной проблемой, решение которой требует особого подхода.

В настоящее время наблюдается нехватка специалистов по земельным вопросам. Межевание земель представляет собой довольно затратный процесс для лиц, обладающих земельными участками или их частями. Оплата услуг кадастровых инженеров проводится для определения границ земельных участков. В случае появления наложений могут возникнуть разногласия с владельцами смежных земельных участков. Дела в сфере земельного права достаточно специфичны, поэтому от юриста требуется наличие определенных личностных качеств, присущих именно практикующему специалисту по земельным вопросам. Взаимодействие с кадастровыми инженерами, оценщиками, различными учреждениями и ведомствами и, главное, с клиентом, обязывает юриста быть компетентным не только в области земельного права, но и в сфере административного, гражданского, уголовного, экологического, градостроительного права, а также в других отраслях, связанных с природными ресурсами, например, водное, лесное законодательство. Полагаем, что ключевую роль в данном процессе играют именно коммуникативные качества юриста.

Речевая культура и умение изложить свои мысли является важным коммуникативным качеством. Любой юрист, в том числе, специализирующийся на земельных вопросах, должен выражать свои мысли четко, грамотно, лаконично. Учитывая изобилие сложных юридических терминов в земельном праве, умение выразить свою позицию понятным языком отличает более компетентного специалиста. Кроме того, профессиональный юрист должен быть способен урегулировать спор своими силами на досудебной стадии без последующего дополнительного арбитра в виде суда.

В судебном процессе довольно часто проявляются эмоции участников. Компетентный юрист всегда должен проявлять способность сохранять самообладание, не забывать об эмпатии. И.А. Сафранчук указывает, что эмпатия – это умение понимать и уважать потребности другого человека, не отвергая свои собственные убеждения и не пытаясь изменить другое лицо [10]. Таким образом, специалист должен проникнуться проблемой своего доверителя и «пропустить ее через себя». Только в этом случае можно с уверенностью говорить о том, как будет решаться проблема.

Юрист по земельным вопросам должен уметь взаимодействовать в группе со специалистами в другой отрасли, при этом не забывать о своей основной задаче – защитить интересы доверителя [7]. При работе с кадастровыми инженерами юристу важно сообщать им всю информацию, которая может иметь отношение к делу. В процессе работы могут возникать сложности по вопросам геодезии, ответы на которые могут дать кадастровые инженеры и

геодезисты. В таком случае необходимо просить разъяснения у компетентных специалистов и вместе с ними обдумывать дальнейший план действий по разрешению возникшего спора.

Коммуникативные качества юриста играют важную роль в разрешении земельных споров. Умение слушать и убеждать стороны, эффективно вести диалог, излагать свои мысли способствует нахождению наиболее выгодного решения конфликта. Важным в юридической практике как раз является не только знание законов, но и умение вести диалог со всеми сторонами конфликта.

Важным качеством, которым должен обладать юрист по земельным вопросам, является дипломатичность и умение управлять конфликтами. Дипломатичный подход к общению помогает специалисту найти выход из самых сложных юридических споров, сохраняя при этом свою профессиональную репутацию [4].

Традиционно в области разрешения земельных споров используются судебные и внесудебные механизмы. Внесудебный порядок включает административные и альтернативные способы урегулирования. Альтернативные методы могут принимать различные формы, такие как мировое соглашение, претензионное производство, переговоры между сторонами и договоры о полномочиях или правах, например, в контексте третейских судов или медиации [6].

Одним из наиболее эффективных механизмов разрешения споров признается медиация. Этот метод становится значимым и действенным инструментом для урегулирования различных конфликтов, в его рамках сторонам предлагается всё больше возможностей для достижения взаимовыгодного исхода дела, гарантируется сохранение конфиденциальности, поддержание деловых отношений с оппонентом и экономия денежных средств. Юристу важно искать компромиссы и решать споры мирным путем в рамках правового поля. Помочь в этом может институт медиации, который достаточно давно, с 2010 года, существует в Российской Федерации. Федеральным законом от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (медиации)» [1] в ст. 2 дается следующее определение процедуры медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Следовательно, для успешного разрешения спора гражданину необходимо обратиться к юристу-медиатору, который будет выступать в качестве посредника и агента, способного найти наилучший выход из ситуации, минимизировать риски и потери при помощи применения коммуникативных навыков. Также существует судебное примирение, которое похоже на медиацию, но различается тем, что медиация является платной процедурой [9].

В настоящее время в России земельные споры рассматриваются в судебном порядке,

как это предусмотрено ст. 64 Земельного кодекса Российской Федерации. До принятия дела к производству стороны могут передать земельный спор на разрешение в третейский суд, если между ними заключено третейское соглашение. Полагаем, что целесообразно внести изменения в Земельный кодекс РФ и дополнить его положением о том, что земельные споры могут рассматриваться в порядке медиации по соглашению сторон. Это способствовало бы развитию медиации в области земельных отношений.

Ключевым навыком современного человека считается коммуникативная компетентность, которая является целью государственного образования. Эффективное взаимодействие с клиентами возможно лишь при условии развития всех компонентов коммуникативных навыков юриста. В настоящее время созданы предпосылки для использования земельной медиации как с теоретической, так и с практической точки зрения. Медиация может стать важнейшим способом противостоять центробежным тенденциям, разъединяющим людей. Считаем, что необходима более широкая популяризация этого правового института, а также его дальнейшее научное и правовое осмысление.

Медиация – это форма организации процесса разрешения спора с участием третьей стороны (медиатора), который может помочь участникам прийти к взаимовыгодному согласию. Медиативный подход обладает высоким потенциалом для разрешения земельных споров ввиду того, что позволяет урегулировать возникший конфликт на добровольной основе, без вмешательства государственных органов. Судебные решения по земельным вопросам часто не устраивают участников конфликта, поэтому медиативные технологии способны сыграть ключевую роль в поиске взаимоприемлемого размера компенсации или достижения компромисса по вопросу границ владений.

При изучении земельных споров часто выясняется, что их причиной являются неприязненные межличностные отношения между сторонами, например, конфликты между бывшими супругами, близкими родственниками или соседями и др. В этом случае применение медиации поможет не только разрешить конфликт, но и сохранить или восстановить отношения между сторонами. Для того чтобы медиатор смог оказать квалифицированную помощь, ему необходимо использовать коммуникативные навыки. Основным принципом формирования коммуникативной компетенции юриста-медиатора является его психологическая и коммуникативная компетентность. Полагаем, что эффективность деятельности юриста-медиатора напрямую зависит от наличия у него соответствующих навыков, которые следует постоянно развивать для ведения плодотворной работы и достижения положительных результатов.

В процессе использования медиации юрист выступает в качестве специалиста, способствующего нахождению консенсуса между сторонами [2]. Это возможно благодаря его

навыкам, знаниям и опыту работы.

Гражданин, обращающийся за помощью к юристу-медиатору, обычно желает заранее услышать от посредника, что он прав и что у него есть все шансы выиграть спор. Однако медиатор является независимой стороной в споре и ему необходимо учитывать позицию другой стороны конфликта [3]. Таким образом, независимо от количества сторон, медиатор должен предусмотреть возможные в сложившейся ситуации сценарии развития событий, чтобы уменьшить степень враждебности и способствовать сотрудничеству граждан.

Проблемы могут возникать, прежде всего, в неспособности выбрать подходящий формат общения, низком уровне коммуникативного воздействия. В поведении это может проявляться в неспособности обсуждать детали, вступать в коммуникацию и выходить из нее, соотносить степень разговорной и слуховой активности. Роль медиатора заключается в том, чтобы найти баланс между этими трудностями и создать условия для примирения противоположных позиций [8].

Рассмотренные положения подтверждают, что у юриста-медиатора должна быть сформирована коммуникативная компетентность. К нравственно-этическим качествам юриста-медиатора необходимо относить: честность, порядочность, уважительное отношение к личности, целым сообществам или группам, их взглядам, даже если они не совпадают с собственными. Наравне с нравственными качествами, определяющими профессию юриста, нужно отметить также и общеэтические качества: гражданственность, ответственность, толерантность, терпимость к людям разных национальностей и этнических групп. Важна способность находить выход из сложной ситуации, принимать взвешенные и максимально обдуманные решения, не поддаваться безысходности и всегда объективно оценивать возможные варианты выхода из сложившейся конфликтной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/12177508/> (дата обращения: 21.10.2024).
2. Адаева О. В., Брыжинская А. А. Функции юридино-коммуникативной компетентности в примирительных процедурах при разрешении правовых споров и конфликтов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 36–37.
3. Адаева О. В. Юридино-коммуникативные навыки медиатора при разрешении правовых споров [Электронный ресурс] // Скиф. – 2023. – № 11 (87). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridiko-kommunikativnye-navyki-mediatorapri->

razreshenii-pravovyh-sporov (дата обращения: 23.10.2024).

4. Алипханова Ф. Н. Содержание и структура коммуникативной компетентности современного юриста // Мир науки, культуры и образования. – 2016. – № 3 (58). – С. 31–32.
5. Баева Д. С. Медиация как правовой способ разрешения споров, вытекающих из земельных правоотношений // Научные тенденции: Юриспруденция: сборник научных трудов по материалам XXII Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 20 июня 2020 г.). – СПб.: Международная Объединенная Академия Наук, 2020. – С. 12–14.
6. Малахова А. Л. Применение процедуры медиации при разрешении споров, вытекающих из земельных правоотношений // Сборник научных статей Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах». – 2018. – № 1. – С. 12–14.
7. Маслов Д. Д., Манасян Р. В. Проблемы юридического консультирования в сфере земельных отношений // Современные проблемы отраслевого правоприменения: сборник трудов межвузовской научно-практической студенческой конференции (г. Краснодар, 21 октября 2021 г.) / отв. за выпуск Э. А. Грядя, А. А. Сапфирова. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2021. – С. 83–88.
8. Молчанова Н. В. Коммуникативная компетентность посредника как условие эффективного взаимодействия в медиации // Стратегические коммуникации в современном мире: сборник материалов по результатам научно-практических конференций / Национальный исследовательский Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Выпуск 3. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. – С. 115–120.
9. Худойкина Т. В., Ситкина А. Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 5-4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-mediatsii-v-svyazi-s-vvedeniem-instituta-sudebnyh-primiriteley> (дата обращения: 21.10.2024).
10. Сафранчук И. А. Эмпатия – лучшая стратегия [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2022. – № 2 (114). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/empatiya-luchshaya-strategiya> (дата обращения: 21.10.2024).

РОМАНОВСКАЯ Е. А.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВОЙ БИМЕДИЦИНЫ¹

Аннотация. В статье раскрываются основные проблемы регулирования правоотношений в сфере цифровой биомедицины. Автором представлены различные юридические аспекты функционирования технологии интерфейса «мозг-компьютер». Кроме того, рассматриваются особенности правового режима 3D-биопечати, получившей распространение в настоящее время.

Ключевые слова: биомедицина, цифровая медицина, биодигитальные технологии, правовое регулирование, интерфейс «мозг-компьютер».

ROMANOVSKAYA E. A.

PUBLIC AND LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITAL BIOMEDICINE

Abstract. The article addresses the major problems of legal regulation in the field of digital biomedicine. The author considers a number of legal aspects of the functioning of the brain-computer interface technology. In addition, the author studies the features of legal regulation of 3D bioprinting, which has become widespread in the present time.

Keywords: biomedicine, digital medicine, biodigital technologies, legal regulation, brain-computer interface.

Биомедицинские и цифровые технологии стали трендами развития современной научной мысли. Они оказывают значимое влияние на все сферы жизни людей, трансформируя при этом и многие общественные институты. Право в этом отношении не является исключением.

Объединение двух векторов оказывает усиленное воздействие на государство, право и общество. Появляются биодигитальные технологии. Для того, чтобы увидеть этот эффект, достаточно просмотреть заголовки передовых научных статей, представляющих те или иные «стыковые» изобретения, чтобы сформировать футуристический прогноз о возможных изменениях законодательства. Приведем некоторые из них.

Компания «Нейралинк» представила новую систему интерфейс «мозг-компьютер» (brain-computer interface – BCI), которая не просто помогает больным с квадриплегией, полным или частичным параличом рук и ног, она позволяет им совершать активные действия в цифровой реальности. Первый шаг – управление компьютером или иным цифровым устройством с помощью фиксации мозговых импульсов. Происходит получение сигналов

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00365, <https://rscf.ru/project/24-28-00365/>.

мозга специальным цифровым устройством, анализ их, расшифровка и преобразование в команды другому цифровому устройству, минуя традиционный «выходной путь» – с помощью команды от головного мозга мышцам для активизации конечностей.

Перспективы заявленной технологии видятся в различных направлениях. Первый видимый шаг – помощь парализованным пациентам для обретения новых возможностей. Следующие шаги в этом направлении могут стать в модификации интерфейса с экзоскелетом и получении двигательных возможностей (даже если и в ограниченном режиме). Подобные роботизированные системы также поддерживают нейропластичность, позволяя пациентам заново осваивать утраченные двигательные навыки с помощью точных, контролируемых и повторяющихся упражнений [2]. В то же время предлагается расширить потенциал интерфейса для лечения инсульта, когда последствия могут быть только в ограничении мышечной активности. При этом, если компания «Нейралинк» строит свои достижения на внедрении специальных чипов в головной мозг (что порождает в обществе дополнительные страхи о поголовном чипировании людей), то надо иметь в виду, что есть различные варианты интерфейса «мозг-компьютер»: частично инвазивный (чип помещается внутри черепной коробки, но не внедряется в кору головного мозга); неинвазивный, представляющий собой цифровую гарнитуру, прикрепляющуюся на голове без каких-либо вмешательств в целостность головы человека.

Подобные модели будут использоваться (пока это прогноз) для лечения различных заболеваний, которые не имеют серьезных последствий и не требуют серьезных операций. Неинвазивные интерфейсы BCI на основе считывания электроэнцефалограммы являются наиболее широко исследованным подходом, хотя и не создающим усиленный общественный резонанс. Здесь отсутствуют большие риски (нет прямого вмешательства в головной мозг), а значит, есть возможность подбора участников эксперимента, минимальные затраты и потенциальные успехи. Уже сейчас созданы приложения, которые позволяют управлять курсором [2, с. 104], бионическим протезом для руки [3, с. 269], инвалидной коляской [4, с. 34]. Отметим, что результаты по указанным направлениям были достигнуты еще примерно 15 лет назад, а сейчас уже оттачиваются тонкости внедрения технологий в массовый процесс оказания медицинской помощи и реализации реабилитационных программ [5, с. 4419]. Сейчас же обсуждаются возможности создания неинвазивного интерфейса на основе планшета и безгелевой шапочки [6]. Основная сложность видится не в принципах технологии, а в разделении немозговых и мозговых импульсов, которые могут смешиваться при неинвазивных интерфейсах [7, с. 18].

Кстати, компания «Нейралинк» Илона Маска, хотя и является в данной области лидером, но не единственным участником удачных экспериментов. Технологическая гонка за

первенство идет между компаниями США и Китая. В частности, использование интерфейса «мозг-компьютер» для реабилитации последствий инсульта (частичном поражении двигательных способностей верхних конечностей) зарегистрировано в Китайском реестре клинических исследований (номер ChiCTR2000034848, дата регистрации 21 июля 2020 г.) [8].

Если углубляться в проблему и дальше, то неинвазивный интерфейс апробируется для создания многофункциональной системы в помощь полицейским службам и военизированных организаций [9, с. 247]. Есть прогнозы, что данная технология станет существенным элементом войны будущего [10, с. 151].

Обратим внимание, что определять интерфейс «мозг-компьютер» как устройство (или его прототип) для чтения мыслей неактуально. Интерфейс «мозг-компьютер» не читает мысли, он не способен извлекать информацию из головного мозга, определяющую содержание мыслительных процессов (тем более из подсознания). Он не может действовать в скрытом режиме, его нельзя тайно внедрить в головной мозг для прочтения мыслей ничего не подозревающего человека. Подобные измышления не просто фантастичны, они не имеют ничего общего с физиологией головного мозга и проводимых исследований в указанной сфере. Сообщения, которые муссируются в некоторых средствах массовой информации, порождены определенным невежеством, тиражируемыми страхами, могут привести лишь к заметным ограничениям передовой технологии, имеющей огромные перспективы. Пользователь и интерфейс работают вместе: для приведения изменений в цифровом мире необходимо мозговое усилие, которое и будет считываться специальным устройством. По-иному оно не работает.

Наиболее распространенное описание рассматриваемой технологии выглядит следующим образом: «Когда пользователи активно выполняют определенные умственные задачи или получают определенные внешние стимулы, сигналы, генерируемые в ЦНС (мозге пользователя), приобретаются с помощью определенной сенсорной технологии. Характеристики мозгового сигнала, которые представляют или кодируют намерения пользователя (определенные умственные задачи или внешние стимулы), напрямую транслируются в команды связи и управления для взаимодействия с компьютерными системами машин. Результаты этого взаимодействия затем возвращаются пользователю в режиме онлайн (включая нейрообратную связь), что позволяет пользователю активно регулировать стратегии своей умственной деятельности» [11, с. 409].

Интерфейс «мозг-компьютер», несмотря на свою направленность на излечение серьезных заболеваний, затрагивающих активность центральной нервной системы, вызывает определенные опасения со стороны ученых-юристов. Во-первых, соединение биологического функционирования головного мозга и цифровой реальности снимает еще одни границы между

реальным и виртуальным мирами. До настоящего времени право всегда четко реагировало на особенности каждой системы: биологической и цифровой. Для каждой из них создавался свой правовой режим. Системы существовали параллельно, отсутствовали такие пересекающиеся линии, которые размывали бы общую границу.

Во-вторых, возможность применения технологии в смежных областях обуславливает дискуссии о режиме доступа к таким технологиям и последствиях исполнения ими различных задач. Уже сейчас можно указывать на перспективы использования интерфейса «мозг-компьютер» в полицейских функциях, что расширяет возможности правоохранительных органов. Это означает также, что в соответствующих законодательных актах должны быть решены проблемы применения специальных устройств.

В-третьих, дискуссии об интерфейсе обновляют проблематику социального контроля с помощью цифровых устройств. Сейчас многие специалисты подчеркивают, что подобные прогнозы носят нереалистичный характер. При этом всегда действует многозначительная оговорка – «пока». Принципиальный момент о вероятности использования интерфейса для контроля за поведением человека никто не снимает с повестки дня. Это предопределяет необходимость разработки правового решения на появление дополнительных свойств цифрового оборудования.

В-четвертых, присутствуют разные спекуляции относительно интерфейса «мозг-компьютер», имеющие различные цели распространения. Это может быть связано с недобросовестной научной деятельностью и получением финансовой помощи на псевдо-исследования. Это также связано с продвижением различных технологий, которые направлены на контроль мозговой активности, но имеют сомнительную этическую составляющую. В каждом таком случае право должно создавать юридические барьеры [12].

Еще одним показательным примером цифровой биомедицины выступает 3D-биопечать. Иногда данную технологию соотносят с понятием аддитивной технологии. Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 г. № 1913-р утверждена Стратегия развития аддитивных технологий в Российской Федерации на период до 2030 года. В данном документе биопечать упоминается как одно из перспективных направлений (на этом содержание документа по вопросам биопечати исчерпывается). Однако сами биотехнологи, которые экспериментируют в этом аспекте, критикуют отождествление биопечати и аддитивных технологий. В этой части показательна стандартизация аддитивных технологий, где основным регуляторным центром является Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт». Создан Технический комитет, который уполномочен на разработку государственных стандартов, утвержден его состав и регламент действий (Приказ Росстандарта от 01.09.2015 г. № 1013). На официальном сайте Курчатовского института

опубликовано более 50 государственных стандартов аддитивных технологий. Приведем примеры:

- ГОСТ Р 57556-2017 «Материалы для аддитивных технологических процессов. Методы контроля и испытаний» (ФГУП «ВИАМ»);
- ГОСТ Р 57558-2017 «Аддитивные технологические процессы. Базовые принципы – часть 1. Термины и определения» (ФГУП «ВИАМ»);
- ГОСТ Р 57586-2017 «Изделия, полученные методом аддитивных технологических процессов. Общие требования» (ВНИИНМАШ, АО «Наука и инновации»);
- ГОСТ Р 57587-2017 «Изделия, полученные методом аддитивных технологических процессов. Методы контроля и испытаний» (ВНИИНМАШ, АО «Наука и инновации»).

Как видно, основные стандарты в рассматриваемой сфере имеют общую направленность. Многие термины могут быть применены к биопечати, поскольку носят универсальный характер. По-видимому, Курчатовский институт мог бы продолжить работу и в этой сфере – биопечати. К тому же в его структуре есть специальное отделение, целенаправленно занимающееся биотехнологиями. Это указывает на наличие соответствующей научной базы. Как закрепляется в Федеральном законе от 27.07.2010 г. №220-ФЗ «О национальном исследовательском центре "Курчатовский институт"», данный Институт относится к «наиболее значимым учреждениям науки» (статья 2 Закона). Целью его создания является формирование «технологической базы инновационной экономики, обеспечения опережающего научно-технологического развития и ускоренного внедрения в производство научных разработок, проведения полного инновационного цикла научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, включая создание промышленных образцов, по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации». Упоминание об инновационной экономике предопределяет еще один тезис – формирование биодигитальных технологий обуславливает развитие и цифровой, и биоэкономики, что выступает приоритетом развития развитых стран мира [13, с. 310]. Таким образом, флагман отечественной науки мог бы взять на себя функцию выработки основных правил поведения в области биопечати.

В итоге можно сделать вывод о том, что цифровая биомедицина активно внедряется в разные сферы современного общества. Некоторые ее достижения способны произвести определенный переворот в лечении социально значимых заболеваний, что само по себе будет иметь существенный эффект. Одновременно биодигитализм размывает границы между реальным и цифровым миром, что, без сомнения, создает определенные угрозы, трансформируя многие общественные институты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Banyai A. D., Brişan C. Robotics in Physical Rehabilitation: Systematic Review // Healthcare (Basel). – 2024. – Vol. 12. – No. 17. – Art. 1720.
2. McFarland D. J., Krusienski D. J., Sarnacki W. A., Wolpaw J. R. Emulation of computer mouse control with a noninvasive brain-computer interface // Journal of Neural Engineering. – 2008. – Vol. 5. – No. 2. – P. 101-110.
3. Shih J. J., Krusienski D. J., Wolpaw J. R. Brain-computer interfaces in medicine // Mayo Clinic Proceedings. – 2012. – Vol. 87. – No. 3. – P. 268-279.
4. Pfurtscheller G., Muller G. R., Pfurtscheller J., Gerner H. J., Rupp R. 'Thought'-control of functional electrical stimulation to restore hand grasp in a patient with tetraplegia // Neuroscience Letters. – 2003. – Vol. 351. – No. 1. – P. 33-36.
5. Wang J., Bi L., Fei W. EEG-Based Motor BCIs for Upper Limb Movement: Current Techniques and Future Insights // IEEE Transactions on Neural Systems and Rehabilitation Engineering. – 2023. – No. 31. – P. 4413-4427.
6. Lakshminarayanan K., Ramu V., Shah R., Haque Sunny M. S., Madathil D., Brahmi B., Wang I., Fareh R., Rahman M. H. Developing a tablet-based brain-computer interface and robotic prototype for upper limb rehabilitation // PeerJ Computer Science. – 2024. – No. 10. – Art.: e2174.
7. Wolpaw J. R., Millán J. D. R., Ramsey N. F. Brain-computer interfaces: Definitions and principles // Handbook of Clinical Neurology. – 2020. – Vol. 168. – P. 15-23.
8. Ma Z. Z., Wu J. J., Cao Z., Hua X. Y., Zheng M. X., Xing X. X., Ma J., Xu J. G. Motor imagery-based brain-computer interface rehabilitation programs enhance upper extremity performance and cortical activation in stroke patients // Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation. – 2024. – Vol. 21. – No. 1. – Art.: 91.
9. Stinchfield B. T. The military and commercial development of brain-computer interfaces: international (in)security with brain-machine teaming // Defense & Security Analysis. – 2023. – Vol. 39. – No. 2. – P. 233-252.
10. Права человека и гибридные войны / А. В. Басова, Д. С. Велиева, Е. А. Капитонова [и др.]. – М.: Проспект, 2023. – 184 с.
11. Luo J., Ding P., Gong A., Tian G., Xu H., Zhao L., Fu Y. Applications, industrial transformation and commercial value of brain-computer interface technology // Sheng Wu Yi Xue Gong Cheng Xue Za Zhi. – 2022. – Vol. 39. – No. 2. – P. 405-415.
12. Chen Y., Wang F., Li T., Zhao L., Gong A., Nan W., Ding P., Fu Y. Considerations and discussions on the clear definition and definite scope of brain-computer interfaces // Frontiers in Neuroscience. – 2024. – Vol. 18. – Art.:1449208.

13. Экономическое право: учебник / Н. Бондарь, Р. Амелин, Д. Артемова, Д. Велиева [и др.]; под науч. ред. Н. С. Бондаря. – М.: Проспект, 2021. – 352 с.

УСМАНОВА Е. Ф., МИТЬКИНА М. С.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРАВОВЫХ АКТОВ И ДОКУМЕНТОВ

Аннотация. В статье раскрываются понятие и сущность юридической экспертизы правовых актов и документов. Отмечается, что правовая экспертиза носит комплексный характер и сочетает в себе проведение исследований документов в различных областях правового регулирования. Основная цель правовой экспертизы – предотвращение возможных ошибок и недостатков в документах, которые могут привести к правонарушениям и негативным последствиям для сторон, а также выявление и устранение возможных противоречий между различными документами, что важно для обеспечения единства правового регулирования.

Ключевые слова: правовая экспертиза, эксперт, правовой акт, правовое регулирование.

USMANOVA E. F., MITKINA M. S.

LEGAL EXPERTISE OF LEGAL ACTS AND DOCUMENTS

Abstract. The article reveals the concept and essence of legal expertise of legal acts and documents. It is noted that legal expertise has a complex character and combines the research of documents in different areas of legal regulation. The main goal of legal expertise is to avoid errors and mistakes in legal documents that can lead to violations of the law and negative effects for either party. At the same time, legal expertise is aimed at identifying and eliminating discrepancies between legal documents, which is vital for providing unity of legal regulation.

Keywords: legal expertise, expert, legal act, legal regulation.

Процесс правотворческой и правореализационной деятельности сопровождается производством различных видов экспертиз правовых актов (проектов) и документов. Значение правового акта или документа в любой сфере жизни и деятельности человека неоспоримо: будь то нормативные правовые акты, управленческие решения, научная мысль, акты гражданского состояния – все социально значимые факты фиксируются документально [1, с. 92]. Отсюда – особые требования к содержанию такого рода актов и документов.

Экспертиза правовых актов и документов в последние годы вызывает интерес у представителей органов государственной власти, в обществе, в научных кругах, о чем свидетельствуют опубликованные научные работы, публичные обсуждения и т. п. Подобное внимание вызвано тем, что бурные преобразования, происходящие в России, требуют системной, по-настоящему качественной и эффективной экспертной деятельности различного рода [2, с. 706]. От правового акта напрямую зависит эффективность правового

регулирования, его точность и устойчивость, однако до сих пор отмечается низкий уровень качества правовых актов и документов, содержащих юридические ошибки и коллизии. Правовая экспертиза направлена на исследование конкретных положений правового акта или документа, с целью выявления в них противоречий и формирования предложений по их устранению.

Сама сущность рассматриваемой экспертизы заключается в исследовании положений правового акта или документа и в ответе на поставленные перед экспертом вопросы. Отметим, что в исследовании того или иного акта (документа) могут принимать участие сразу несколько экспертов, имеющих специальные знания в соответствующих областях права. Фактически, экспертиза правовых актов и документов способствует исполнению положений законодательства путем снижения негативных правовых установок и упрощения процесса применения правовых норм. Проведение экспертизы правовых актов и документов позволяет существенно снизить нагрузку на судебную систему, уменьшить число ошибок в практической деятельности различных организаций, обеспечивая при этом соблюдение ключевых прав и свобод граждан.

На данный момент в законодательстве понятие правовой экспертизы не раскрыто, в этой связи возникает множество дискуссий относительно сущности и содержания данной категории, остаются нерешенными целый ряд проблем прикладного характера.

В научной литературе сформулировано множество подходов к понятию правовой экспертизы, что, с одной стороны, расширяет круг вопросов, исследуемых экспертизой, а с другой – существующий плюрализм способствует возникновению проблем, касающихся целей экспертизы, механизма ее реализации и пределов предлагаемых изменений. Согласно позиции Ю. В. Лебедева, правовая экспертиза представляет собой исследование положений документа или его отдельных фрагментов на предмет соответствия законодательству [3, с. 64]. А. В. Петренко под правовой экспертизой понимает деятельность лиц, обладающих специальными знаниями, регламентированную правовыми актами, имеющую определенную процессуальную форму и базирующуюся на основополагающих началах права, результаты которой отражены в специальном акте, на основе которого осуществляется дальнейшая деятельность по изменению, отмене и принятию правовых актов [4, с. 44]. В свою очередь, А. Р. Корнилов отмечал, что правовая экспертиза является особой разновидностью экспертиз, поскольку в качестве своего объекта рассматривает нормы права Российской Федерации [5, с. 100]. Кич И. С., Старков Д. А. под правовой экспертизой нормативных правовых актов понимают целенаправленную деятельность, осуществляемую квалифицированными лицами, правомочным органом государственной власти, направленную на исследование нормативного правового акта на предмет его соответствия Конституции Российской Федерации,

федеральным законам, требованиям юридической техники в целях повышения качества законодательства [6, с. 24]. Экспертиза правовых актов и документов – это механизм обеспечения безусловного исполнения положений законодательства путем сведения до минимума негативных проявлений, возникающих в правореализационной деятельности.

Следует отметить, что результатом правовой экспертизы нормативного акта является издание качественного акта, который не содержит юридических ошибок, а также коллизий правовых норм. «Качество» правового акта раскрывается через такие понятия, как «ценность» и «эффективность». Понятие ценность правового акта следует понимать через две категории – с точки зрения практики, когда оценивается частота его использования, и с точки зрения теории, насколько теоретически обусловлена необходимость его принятия. В свою очередь, эффективность наиболее точно отражает именно качество принятого акта, поскольку именно от того, как применяется правовой акт, оценивается правовая обусловленность и необходимость его принятия, а также исследуется эффективность регулирования правовых отношений.

Правовая экспертиза документов – это процесс, в ходе которого происходит проверка юридической правильности и соответствия документов действующему законодательству, включающая в себя анализ текста документов, проверку наличия необходимых реквизитов, подписи, печати, а также оценку соответствия требованиям действующего законодательства.

Основная цель правовой экспертизы – предотвращение возможных ошибок и недостатков в документах, которые могут привести к правонарушениям и негативным последствиям для сторон. Также она помогает выявить и устранить возможные противоречия между различными документами, что важно для единства правового регулирования.

Предмет правовой экспертизы – это информация о различных сторонах, свойствах и признаках объекта. Предметом правовой экспертизы является информация о соответствии подвергнутого экспертизе правового акта или документа современной системе законодательства. Проведение данной экспертизы желательно в случае подписания тех или иных документов, порождающих, изменяющих или прекращающих социальное взаимодействие сторон. Проверке на предмет юридической чистоты, правильности оформления и соответствия законодательным требованиям может быть подвергнут абсолютно любой документ. Инициировать экспертизу могут лица, составившие, подписавшие документ, граждане, на которых возложена обязанность выполнять положения, закрепленные в документе, а также организации, контролирующие исполнение (соблюдение) правовых норм, отраженных в тех или иных актах и документах.

Под принципами правовой экспертизы следует понимать основополагающие нормы, которые определяют важнейшие аспекты соответствующей деятельности и которые

обеспечивают достижение целей и решение сформированных перед правовой экспертизой задач. К числу основных принципов правовой экспертизы относят следующие.

1) Принцип независимости экспертов.

Данный принцип является фундаментальным для любой экспертизы, соответственно, для экспертизы правовых актов особо отмечается необходимость производства ее специалистом, независимым от субъектов, разработавших и принявших правовой акт или заинтересованных в подписании определенного документа. Указанное лицо должно обладать специальными знаниями, необходимыми при проведении экспертизы. От реализации данного принципа напрямую зависят результаты проводимой экспертизы, особенно подпадающие под воздействие коррупциогенных факторов.

2) Принцип всеобщности.

Указанный принцип означает, что экспертизе может подвергаться любой акт или документ, содержащий правовые нормы, поскольку от этого напрямую будет зависеть эффективность и полнота правового регулирования различных сфер жизнедеятельности.

3) Принцип законности.

Согласно принципу законности все действия и выводы, сделанные в ходе экспертизы, должны соответствовать действующему законодательству. Эксперт должен строго придерживаться установленных процедур и правил. Только при соблюдении этого принципа можно говорить о достоверности и весомости заключения эксперта.

4) Принцип профессионализма.

Принцип означает, что привлекаемые эксперты должны обладать определенными знаниями, касающимися сферы принимаемого акта, необходимо привлечение как особых специалистов (например, в сфере экологического законодательства – эколога), так и в обязательном порядке лица, обладающего юридическими знаниями.

Юридическая экспертиза правовых актов и документов может проводиться в следующих типовых ситуациях: установление конкретного нарушения требований того или иного законодательного акта в исследуемом документе; анализ отдельных пунктов договора, касающихся порядка расчетов, прав, обязанностей и ответственности заключающих договор сторон, порядка действий в случае наступления непредвиденных (форс-мажорных) обстоятельств и т.д.; определение уровня детализации или толкование (разъяснение) тех или иных положений договора или контракта и т.д.

В процессе производства юридической экспертизы эксперт анализирует юридическую составляющую документов, проверяет их наличие и правильность оформления, а также соответствие установленным требованиям.

Таким образом, правовая экспертиза носит комплексный характер и сочетает в себе проведение исследований документов в различных областях правового регулирования. Для каждого вида такой экспертизы разработана собственная нормативная база, действующая как на федеральном уровне, так и на региональном. При этом эксперт может руководствоваться в своем исследовании различных документов (актов) одними и теми же методическими рекомендациями, что подтверждает определенную унификацию объема регламентации проведения правовых экспертиз на федеральном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Медведева О. В. Экспертиза ценности документов: правовой аспект // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – Том 9. – № 7. – С. 92–99.
2. Яценко О. В. Правовая экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: понятие, содержание и особенности осуществления // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: Материалы XXIII национальной научной конференции (с международным участием). – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. – С. 705–707.
3. Лебедев Ю. В. Правовая экспертиза // Southern Almanac of Scientific Research. – 2018. – № 5. – С. 63–69.
4. Петренко А. В. Правовая экспертиза как средство правовой политики // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2017. – № 3 (46). – С. 44–47.
5. Корнилов А. Р. Правовая экспертиза: понятие, виды, цифровизация // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2020. – № 1. – С. 99–103.
6. Кич И. С., Старков Д. А. Правовая экспертиза нормативных правовых актов как механизм обеспечения эффективности законодательства // Очерки новейшей камералистики. – 2022. – № 2. – С. 24–28.

МОИСЕЕВА И. М., СТЕПАШКИНА Е. Н.
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ НЕДВИЖИМОСТИ
КАК ОБЪЕКТА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В настоящей статье на основании теоретических положений и материалов судебной практики рассмотрены понятие и признаки недвижимого имущества, критерии отнесения к нему различных объектов в соответствии с реформой отечественного гражданского законодательства. Кроме этого, выявлены проблемы правового регулирования недвижимости и предложены решения по совершенствованию действующего гражданского законодательства.

Ключевые слова: недвижимость, прочная связь, земельный участок, здание, неразрывная связь, сооружение.

MOISEEVA I. M., STEPASHKINA E. N.
THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS
OF REAL ESTATE AS ITEM OF TAXATION

Abstract. The article considers the concept and characteristics of real estate, the criteria for classifying various items of real estate in accordance with the reform of Russian civil legislation. The analysis is based on theoretical provisions and materials of judicial practice. In addition, problems of legal regulation of real estate are identified and solutions for improving the current civil legislation of the Russian Federation are proposed.

Keywords: real estate, strong connection, land plot, building, inseparable connection, structure.

Понятие недвижимости известно с давних времен и до настоящего времени прошло сложный путь развития.

Дореволюционное право, закрепляя виды недвижимости, классифицировало их на раздельное и нераздельное, подразумевая под нераздельным недвижимое имущество. К нераздельному имуществу, как правило, относились фабрики, заводы, земельные участки, торговые лавки и некоторые другие объекты.

Законодательство советского времени устанавливало понятие «комплекс». Главное его назначение – объединение имущества для осуществления хозяйственной деятельности. Более того, такие комплексы выполняли функцию руководства входящими в его состав предприятиями и организациями. Затем этот термин получил достаточно широкое распространение.

Если обратиться к советскому периоду развития права, то следует отметить, что в таком кодифицированном нормативном источнике данного периода, как Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, отсутствовало правовое регулирование делимых и неделимых вещей, однако небольшие аспекты признака делимости вещей всё же прослеживались. Это можно объяснить тем, что Советская власть в первые годы своего существования отрицала частную собственность, соответственно, не урегулированным вопросом оставался и статус недвижимости.

Следующими законодательными актами советского периода в сфере регулирования имущественных правоотношений были Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик, а немного позднее – Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Указанные акты на законодательном уровне также не предусматривали деление объектов недвижимости, что, несомненно, создавало проблемы в правоприменительной практике.

Впервые нормативно-правовое положение недвижимого имущества было закреплено в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [4]. Разработчики этого документа старались сформировать полностью новый объект, который объединил бы в своем составе единые по назначению объекты. Следовательно, Концепция фактически предзнаменовала начало использования в гражданском обороте нового вида объекта недвижимости.

Современное гражданское законодательство не содержит однозначного понятия недвижимой вещи, нормы Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) исчерпывающей характеристики объекта, относимого к недвижимости (ст. 130, гл. 6.1 ГК РФ) не устанавливают.

Любой обладающий признаками недвижимости объект сам по себе является уникальной вещью и, следовательно, в силу своей исключительности может быть признан как объектом недвижимости (как юридическая категория), так и лишенным этого статуса.

Юридическая наука разграничивает недвижимость по природе, по закону, по существу.

По мнению В. А. Алексеева «для вывода об отношении объекта к недвижимым вещам мы сначала должны установить наличие прочной связи с землей, а лишь затем определить, является ли прочно связанный с землей объект зданием, сооружением или объектом незавершенного строительства» [3, с. 177].

Отечественный законодатель к недвижимым вещам относит земельные участки, участки недр и всё, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства; подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Перечень недвижимого

имущества открыт и может быть дополнен законом.

Существенным признаком недвижимого имущества, нашедшим свое закрепление в ст. 130 ГК РФ, является неразрывная связь с землей. Сущность данного признака заключается в том, что расположенное на земельном участке определенное имущество невозможно перенести, передвинуть, другим образом переместить без причинения ущерба его назначению, так как он имеет прочную связь с земельным участком.

До 1 сентября 2022 года (до вступления в действие глав 6.1 и 17.1 ГК РФ) Верховный Суд Российской Федерации определил следующие минимальные требования к недвижимой вещи (недвижимости): полное завершение работ по сооружению фундамента или завершение аналогичных работ. При этом высшая судебная инстанция особо отметила, что выгребные ямы, асфальтовые покрытия, замощение земельного участка являются частью земельного участка, а не отдельным объектом недвижимости.

В судебной практике при определении недвижимого имущества используются учетный, кадастровый и сущностный подходы.

Неоднозначность применения правовых норм, выраженная в проблемах квалификации объектов недвижимости, порождает споры, разрешить которые может только суд. Однако, для рассмотрения дела о признании объектов недвижимости по существу и принятия по нему правомерного решения судья должен обладать не только достаточным временем, но и глубокими знаниями в данной области.

Так, например, ООО «Газпромнефть-Хантос» только в Верховном Суде Российской Федерации удалось доказать, что ему инспекторы налогового органа неправомерно доначислили налог на имущество организаций (согласно акту выездной проверки), посчитав площадки для сооружений по добыче газожидкостной смеси недвижимым имуществом [5].

Сейчас большую актуальность приобретает необходимость введения в законодательство РФ концепции единого объекта недвижимости. Она отображает классическое представление о недвижимости и относит к ней земельный участок с его составными элементами (постройками, насаждениями и т.д.).

Исходя из критериев отнесения имущества к недвижимому, следует отметить, что оно будет признано таковым, если было построено с соблюдением градостроительного законодательства, поставлено на кадастровый учет и включено в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) в качестве объекта недвижимого имущества.

Сложилась обширная практика, когда суды отказываются признавать объект помещением [6], «не увидев его признаков» [7].

В настоящее время в часть первую ГК РФ включены две новые главы:

– «Недвижимые вещи» – закрепляет основы правового режима земельных участков,

зданий и сооружений, помещений (как жилых, так и нежилых);

– «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места» – определяет особенности возникновения права собственности на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места.

В ГК РФ конкретизирован статус разных типов недвижимости. В частности, в новой редакции появились гарантии для собственников зданий или сооружений, которые находятся на чужом земельном участке на законных основаниях.

Кроме того, в новой редакции закона впервые появились нормы о том, как возникают машино-места. Всего таких способов три. Первый: здание, сооружение, помещение разделили. Второй: несколько машино-мест объединили в одно. Третий способ: собственник реконструировал здание или сооружение так, что появилось машино-место как новая недвижимость.

Закон приравнивает собственников машино-мест к собственникам другой недвижимости в здании. Это дает им право пользоваться общим имуществом здания и прилегающей территорией.

Основываясь на мнениях ученых-цивилистов, а также на понятии недвижимости в отдельных зарубежных государствах, следует отметить, что к недвижимости относятся, прежде всего, земельный участок, так как он не подлежит перемещению в пространстве. В свою очередь, исходя из остаточного принципа, под производной недвижимостью следует рассматривать всё, что не является земельным участком, но расположено на нем, и это можно переместить, несмотря на несоразмерные затраты.

В международной юридической практике для разграничения имущества на движимое и недвижимое используют такие признаки как: неподвижность, незаменимость, индивидуальная определенность, целевое предназначение [2, с. 75].

Так, французское законодательство в отношении объектов недвижимости использует более широкий подход и относит к данной категории имущества сам земельный участок вместе с расположенными на нем и прочно связанные с ним объекты, а также движимое (по своей природе) имущество, используемое в реализуемой на данном земельном участке производственной деятельности (машины, оборудование, сырье и предметы для обслуживания участка). При прекращении использования этих объектов на данном земельном участке они теряют статус недвижимости и становятся движимым имуществом (титул 1 глава 1 Французского Гражданского кодекса) [9].

По законодательству Франции, земельный участок является основным объектом недвижимости, но не единственным, как, например, в Германии. Различные постройки на

фундаменте, прочно связанные с землей, являются самостоятельными недвижимыми объектами в гражданском обороте.

В ФРГ к решению рассматриваемого вопроса используется более узкий подход. Германское Гражданское Уложение относит к объектам недвижимости только сам земельный участок, включая объекты, которые имеют прочную связь с ним (земельная собственность). В качестве объектов (существенных составных частей вещи), относящихся к недвижимости и расположенных на земельном участке, немецкое право признает не только здания, строения и сооружения, но и насаждения, посаженные в грунт (§§ 93-96 Гражданского Уложения Германии) [8].

Анализируя зарубежное гражданское законодательство, можно прийти к выводу, что во многих европейских странах имеется нормативно определенное понятие «составной вещи», соотносимое с категорией недвижимого имущества (это «вещь», составные части которой значительно связаны).

Что касается выделения признаков недвижимого имущества в российском гражданском праве, то в последнее время многими авторами принимается концепция, которая, как и в большинстве зарубежных стран романо-германской правовой семьи, исходит из того, что к недвижимости следует относить только земельный участок, а все объекты, которые на нем расположены, должны признаваться составными частями земельного участка.

Считаем, что реализация концепции единого объекта недвижимости внесла бы не только определенность в правовое регулирование сделок с недвижимостью, но и разрешила бы проблемы, связанные с квалификацией объектов налогообложения по налогу на имущество.

Таким образом, объектами недвижимости являются жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы названных помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке. Значимо то, что ч. 1 ст. 130 ГК РФ содержит открытый перечень объектов, что позволяет считать недвижимостью и иные объекты, соответствующие специальному критерию. Вместе с тем, необходимо отметить, что в российском законодательстве, несмотря на неоднократные изменения, отсутствует понятие недвижимости. В связи с этим, решая вопрос об отнесении того или иного объекта к недвижимости, российскими судами делаются порой крайне неоднозначные выводы. В целях урегулирования данного вопроса на законодательном уровне следует внести изменения в Гражданский кодекс РФ, где закрепить определение недвижимости и перечислить ее необходимые и достаточные признаки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/> (дата обращения: 22.10.2024).
2. Абушева Р. А., Ахметова З. А. Основные характеристики недвижимого имущества // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2020. – Том 35. – № 1. – С. 74–80.
3. Алексеев В. А. Единый объект недвижимости: поэтапное движение к цели или дезорганизация правового регулирования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 176–182.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 11.
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 13.12.2021 г. №305-ЭС21-12104 по делу № А40-95182/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2024).
6. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.03.2018 по делу № А82-7952/2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2024).
7. Постановление Тринадцатого апелляционного арбитражного суда от 09.03.2021 по делу № А56-51844/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.10.2024).
8. Гражданское уложение Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/1900-Гражданское-уложение-1.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).
9. Французский Гражданский кодекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/Фр.Кодекс-123.pdf> (дата обращения: 23.10.2024).

БАРАШКОВ Е. О., МАЛЫШЕВА А. В.

ЧАСТЬ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА КАК ОБЪЕКТ ВИНДИКАЦИОННОГО ИСКА

Аннотация. В статье исследуется вопрос о возможности виндикации части (частей) земельного участка. Изучение правоприменительной практики и доктрины выявило проблемы в законодательном регулировании данных правоотношений. Авторы предлагают устранить имеющуюся правовую неопределенность посредством внесения изменений в статью 301 Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: вещное право, земельный участок, части земельных участков, право собственности, защита вещных прав, виндикационный иск, негаторный иск.

BARASHKOV E. O., MALYSHEVA A. V.

PART OF LAND PLOT AS TARGET OF VINDICATORY LAWSUIT

Abstract. The article examines the possibility of vindication of a part (parts) of a land plot. The study of law enforcement practice and doctrine revealed problems in the legislative regulation of these legal relations. The authors propose to eliminate the existing legal uncertainty by amending Article 301 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: property law, land plot, parts of land plots, ownership, protection of corporeal rights, vindicatory lawsuit, negatory lawsuit.

В теории отечественного гражданского права признается, что объектом виндикации как искового требования невладеющего собственника к владеющему несовладельцу о возврате вещи является индивидуально-определенная вещь [1, с. 79-80]. Данного подхода придерживается и судебная практика вышестоящих инстанций, выводы которой, в частности, содержат следующее заключение: «объектом виндикации во всех случаях может быть только индивидуально-определенная вещь, существующая в натуре» [2; 3]. Вышеназванная позиция основана на следующем. Согласно ч. 3 ст. 6 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и ст. 142.2 ГК РФ, недвижимой вещью, имеющей свои уникальные индивидуализирующие признаки, признается такой объект как земельный участок. Индивидуализация земельного участка как объекта недвижимости осуществляется в процессе государственного кадастрового учета. В практике высших судов выработаны позиции, согласно которым земельный участок считается индивидуализированным, если он имеет четко обозначенные границы, площадь, целевое назначение, вид разрешенного использования, текстуальное и графическое описание, необходимые для установления местоположения земельного участка.

Представляется, что для выяснения вопроса о том, может ли часть земельного участка выступать объектом виндикации, необходимо выяснить, является ли часть земельного участка недвижимой вещью, для которой характерен признак индивидуализации.

Во-первых, следует обратить внимание на то, что действующее законодательство не содержит легального определения понятия «часть земельного участка». При этом ч. 1 ст. 130 ГК РФ, закрепляющая закрытый перечень недвижимых вещей, не содержит указания на то, что часть земельного участка отнесена к видам недвижимого имущества. Отсюда со всей очевидностью следует, что ГК РФ не признает часть (части) земельного участка самостоятельной недвижимой вещью.

Ученый-цивилист Р. С. Бевзенко отмечает, что «объектом вещных прав всегда является вещь в целом», «на часть вещи собственности не бывает...» [4, с. 312]. Следует согласиться с тем, что вещное право не может существовать в отношении части вещи. Данный вывод соответствует классическому представлению цивилистической науки на понимание категории «вещь» и подкрепляется отечественной судебной практикой.

Так, по одному делу Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), указал, что «в соответствии со статьями 15, 17, 18 Земельного кодекса объектом права собственности граждан, юридических лиц, государственной собственности могут быть земельные участки, но не их части» [5]. Вследствие этого, части земельных участков не являются самостоятельными объектами недвижимости, и их невозможно истребовать из чужого незаконного владения. Примечательно, что указанная правовая позиция до сих пор находит свое отражение в конкретных решениях арбитражных судов даже спустя почти десятилетие.

Однако, несмотря на вышеизложенное, в юридической литературе высказывается мнение о том, что «часть земельного участка имеет статус объекта гражданского (земельного) правоотношения, когда такие отношения носят арендный или залоговый характер, а также когда являются отношениями по установлению сервитута» [6, с. 31]. Действительно, это следует из ст. 44 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – ФЗ №218), а также подтверждается ч.1 ст. 6 ЗК РФ, указывающей, что часть земельного участка является объектом земельных правоотношений. Ключевым является то, что данная часть земельного участка должна быть учтена в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Так, например, в ч. 3 ст. 44 ФЗ № 218 указывается, что «государственная регистрация договора аренды части земельного участка осуществляется в отношении части земельного участка, учтенной в Едином государственном реестре недвижимости, или одновременно с государственным кадастровым учетом такой части». Однако, принципиальное значение имеет тот факт, что при проведении данных

процедур не возникает нового земельного участка как объекта недвижимости. Отсюда следует, что самовольно захваченная часть земельного участка не является недвижимой вещью, к которой возможно применить правила о виндикации. Таким образом, виндикация части земельного участка невозможна в силу того, что эта часть не является индивидуально-определенной недвижимой вещью.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить, что надлежащим средством защиты при самовольном захвате части земельного участка, находящегося в собственности, или части земельного участка, обремененного правами аренды, залога, земельного сервитута, является негаторный иск. Захват части земельного участка не влечет лишения владения земельным участком, в границах которого располагается эта часть земельного участка, но создает помехи в пользовании недвижимой вещью (то есть целым земельным участком).

Действительно, с точки зрения классических воззрений на негаторный и виндикационный иски, вышеописанная логика рассуждения будет являться верной в силу того, что одним из основных критериев, позволяющих разграничить два иска, является характер нарушения вещного права, который либо связан с лишением владения собственника или титульного владельца земельного участка, либо нет. Очевидно, что в первом случае должен быть предъявлен виндикационный иск, а во втором – негаторный. Однако мы вынуждены констатировать, что современная российская судебная практика не всегда придерживается обозначенных подходов при защите собственников и титульных владельцев земельных участков.

С одной стороны, в системе арбитражных судов сохраняется классический подход, разграничивающий виндикационный и негаторный иски [7]. При этом в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – СКГД ВС РФ) изложены правовые позиции, указывающие на возможность виндикации части земельного участка. Так, в определении СКГД ВС РФ от 24 ноября 2015 г. № 4-КГ15-39 указано: «Таким образом, по делу об истребовании имущества (земельного участка) из чужого незаконного владения юридически значимой и подлежащей доказыванию является одновременная совокупность следующих обстоятельств: наличие у истца права на имеющийся в натуре земельный участок определенной площади и в определенных границах, а также незаконность владения этим земельным участком или его частью конкретным лицом (лицами)». В определении СКГД ВС РФ от 20 февраля 2018 г. № 37-КГ17-13 суд указал: «Кроме того, виндикация земельного участка или его части подразумевает указание границ истребуемого земельного участка».

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации прямо допустил виндикацию части земельного участка с условием его индивидуализации.

Обобщенный анализ правоприменительной практики судов общей юрисдикции позволяет прийти к выводу о том, что отдельные суды различных субъектов Российской Федерации при вынесении решений по рассматриваемым спорам руководствовались вышеприведенными правовыми позициями Верховного Суда РФ. Примечательно, что в открытом доступе такие решения начинают встречаться, начиная с периода 2019-2020 гг., то есть спустя несколько лет после публикации актов Верховного Суда РФ, допускающих истребование части земельного участка.

Анализ 20 решений судов общей юрисдикции по делам об истребовании части земельного участка, размещенных в справочно-правовой системе «Гарант», позволил отметить следующее [8]. Значительная часть (90%) изученных решений затрагивает вопросы «соседского» права. Наиболее часто встречающимся нарушением является захват части соседского земельного участка, путем установки забора, реже – перенос русла реки на участок соседа, возведение нежилого здания, сарая, кирпичного туалета, выкапывание на чужом участке выгребной ямы. В целях изъятия части земельного участка из владения правообладателя в суд предъявляются виндикационные иски. Лишь в одном из 20 анализируемых судебных решений суд указал на невозможность удовлетворения заявленного требования о виндикации части земельного участка. Согласно выводам, изложенным в данном судебном решении: «Требования об истребовании из чужого незаконного владения ответчика части земельного участка удовлетворению не подлежат. Заявленный иск является негаторным, связан с устранением препятствий в пользовании земельным участком. Иск по своему характеру не является виндикационным, так как истец не лишен возможности пользоваться, владеть и распоряжаться земельным участком, имеются лишь препятствия к этому. Одновременное применение негаторного и виндикационного способов защиты права действующим законодательством не предусмотрено, в связи с чем, в виндикации части земельного участка должно быть отказано» [9].

Таким образом, суды общей юрисдикции и арбитражные суды диаметрально противоположно подходят к разрешению аналогичных казусов, связанных с виндикацией части земельных участков, что свидетельствует о проблеме правового регулирования исследуемых правоотношений.

Считаем, что наличие правовых позиций Верховного Суда РФ, в которых он указывает на возможность истребования из чужого незаконного владения частей земельных участков, не может свидетельствовать о том, что исследуемый вопрос однозначно решен. Во-первых, судебные акты высшего суда по конкретным спорам, аналогично постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, не являются источниками права в Российской Федерации и, следовательно, суды нижестоящих инстанций не обязаны применять их при разрешении

конкретного дела по существу. Во-вторых, в вышеуказанных правовых позициях Верховный Суд РФ не приводит развернутого и аргументированного нормативного обоснования своих выводов со ссылками на конкретные нормы права и методы (способы) их толкования.

Считаем, что исследуемая проблема может быть устранена посредством закрепления прямого указания в ст. 301 ГК РФ на то, что не допускается истребование из чужого незаконного владения части (частей) земельного участка. Прямое указание на запрет истребования части (частей) земельного участка в норме федерального закона позволит участникам гражданского оборота определить надлежащий способ защиты своих нарушенных прав, а суд будет обязан руководствоваться общими положениями о негаторном иске (ст. 304 ГК РФ). Таким образом, согласно прямому указанию закона сфера применения виндикационного иска будет исключать споры с незаконным захватом части земельного участка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Том 16. – № 4. – С. 76–93.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 13944/09 от 09 февраля 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 3413/11 от 13 сентября 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).
4. Бевзенко Р. С. Введение в российское право недвижимости. – М.: Статут, 2022. – 408 с.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 14950/10 от 19 апреля 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).
6. Лобачев Д. С. Части земельных участков как объект земельных правоотношений // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 12 (192). – С. 31–33.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № А53-38783/2018 от 17 декабря 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).
8. Решение Ступинского городского суда Московской области № 2-1202/2020 от 29 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).

9. Решение Ярославского районного суда Ярославской области № 2-2348/2023 от 13 ноября 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 16.09.2024).

НЕСТЕРОВА Е. А.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматривается использование искусственного интеллекта в обучении, поскольку вопрос изучения его обучающего потенциала для развития студентов крайне актуален. Был сделан вывод о том, что искусственный интеллект открывает множество перспектив для развития интеллекта обучающихся, но вместе с тем требует глубокого научного исследования с целью определения рациональных пределов и порядка его применения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение, правосубъектность искусственного интеллекта, риски использования искусственного интеллекта, использование искусственного интеллекта в обучении.

NESTEROVA E. A.

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TEACHING STUDENTS: LEGAL ASPECT

Abstract. The article considers the use of artificial intelligence in education as the issue of studying its educational potential for the development of students is extremely relevant. A conclusion is made that artificial intelligence opens up many prospects for the development of students' intelligence, but at the same time requires in-depth scientific research in order to determine the rational limits and procedure for its application.

Keywords: artificial intelligence, education, legal capacity of artificial intelligence, risks of using artificial intelligence, use of artificial intelligence in education.

В настоящее время можно наблюдать, как социальная реальность трансформируется под воздействием цифровых технологий. Казалось бы, социальное взаимодействие очень сложно чем-то подменить, именно оно делает человека личностью. Однако уже сегодня существуют нейросети, способные поддержать беседу, помочь найти нужную информацию и т.д. С помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ) появляются новые формы взаимодействия человека и техники. С каждым годом расширяется круг применения искусственного интеллекта в жизнедеятельности человека, изменяется осведомленность общества о нем и отношение к его применению.

Термин «искусственный интеллект» подразумевает раздел информатики, разрабатывающий методы и средства компьютерного решения интеллектуальных задач, традиционно решаемых человеком. Следовательно, под ИИ понимается имитация человеческого интеллекта компьютерными системами, то есть «машинный», усиленный

интеллект. Специалисты отмечают, что сегодня ИИ понемногу вытесняет человека из привычных сфер деятельности, заменяет рабочие места (создавая, впрочем, новые, связанные с использованием возможностей ИИ, например, тренер ИИ, системный инженер интеллектуальных энергосетей).

Компьютерные технологии в различных сферах жизнедеятельности человека используются давно. Однако отличительной особенностью ИИ является то, что он может действовать автономно, самостоятельно совершенствоваться, извлекать уроки из допущенных ошибок [1]. Цель ИИ – автоматизация интеллектуального поведения. «Неживое» начинает имитировать «живое». Возможно, в будущем будет создан эмоциональный ИИ, способный копировать эмоциональное поведение человека.

ИИ уже широко применяется в медицине, банковской деятельности, сельском хозяйстве, на транспорте, в образовании. Многие инновации появились в период пандемии. Например, когда многие экзамены стали проводиться в формате онлайн, появилась потребность в прокторинге – контроле за учащимися во время сдачи экзамена. ИИ начал проявлять себя и в творчестве, что всегда считалось прерогативой человека.

Если простейший поисковик Алиса только находит нужный нам материал, то ИИ более высокого порядка генерирует, то есть может создавать и придумывать. Именно это его умение придумать – один из недостатков, так как ИИ может придумать что-то несуществующее, например, несуществующую судебную практику.

Так, поучительный случай произошел в июне 2023 г. в США. Американский адвокат Стивен А. Шварц при обосновании искового заявления своего доверителя – пассажира колумбийской авиакомпании Avianca сослался на несуществующую судебную практику. После того, как в ходе судебного разбирательства адвокат ответчика указал на то, что приведенных адвокатом истца судебных прецедентов не существует, окружной судья США К. Кастел проверил решения и подтвердил, что как минимум шесть из представленных дел, по видимому, являются поддельными судебными решениями с поддельными цитатами и поддельными ссылками на доктринальные источники.

Адвокат признался, что использовал чат-бот ChatGPT для поиска судебной практики по делам о взыскании компенсации. Он искренне раскаялся и под присягой подтвердил, что не знал, что ChatGPT может соврать, так как он спрашивал у него, являются ли указанные случаи из судебной практики реальными, и чат-бот заверил его в их подлинности.

Теперь адвокату с 30-летним стажем грозит исключение из реестра, а судьи стали требовать от адвокатов подписывать документ о том, что они не использовали непроверенную практику, и под присягой это подтверждать [2].

Данное требование обусловлено тем, что в странах с англо-саксонской системой права за достоверность доказательств и судебных прецедентов отвечает адвокат, который в конкретном случае рискнул обратиться к неспециализированной нейросети.

Преподаватели учитывают это свойство ИИ – придумывать – и по этому признаку могут отличать работы, написанные не студентами, а нейросетью. В работе, сделанной с помощью ИИ, могут быть несуществующие источники. Также для текстов, созданных людьми, характерен более «живой язык», запоминающиеся подробности и детали.

Неправосубъектность ИИ. ИИ является неодушевленной вещью, поэтому ИИ не наделен правосубъектностью (не может быть субъектом права, например, не может быть стороной договора или автором произведения) и не обладает деликтоспособностью (не может отвечать за свои действия). За его действия отвечает либо разработчик и владелец, либо пользователь. Чтобы использовать ИИ, надо заключить пользовательское соглашение, в нем будет указано, что за все действия ИИ отвечает пользователь. Что бы не сгенерировал ИИ, что бы он не нарисовал, отвечать будет пользователь.

ИИ в гражданском обороте. ИИ чаще всего вводится в гражданский оборот как программа для ЭВМ, и в этой форме он является объектом авторских прав. Он охраняется по типу литературных произведений, может быть зарегистрирован в Роспатенте, но это не является обязательным для его защиты.

Защита объектов, созданных ИИ. Если ИИ что-то сделает, нарисует, напишет, это – не результат человеческого труда и не подлежит защите как объект интеллектуальной деятельности, потому что такого рода объекты должны быть сделаны человеком.

ИИ в корпоративном управлении. Доктор юридических наук И. С. Шиткина приводит практику использования ИИ в корпоративном управлении. В данной сфере ИИ, во-первых, выполняет вспомогательные функции: более 75 % материалов на советы директоров в крупных компаниях готовится с помощью ИИ. Это программы, которые обобщают, систематизируют материал, например, по крупным сделкам.

Второй уровень – сама машина является членом Совета директоров. В России это невозможно, у нас членом Совета директоров может быть только физическое лицо. Между тем, Гонконгский венчурный фонд включил аналитическую компьютерную программу VITAL в свой Совет директоров. В задачи VITAL входит анализ медицинских стартапов, которые могут быть интересны для компании. С помощью этой программы компания уже заключила две сделки и планирует и дальше пользоваться аналитическими способностями программы.

Таким образом, можно отметить плюсы и минусы использования ИИ в корпоративном управлении. Плюсы ИИ: ИИ обобщает огромный массив информации, не подвержен

конфликту интересов, ему неизвестно понятие дружбы. ИИ не будет поддерживать чью-то позицию из-за дружбы с человеком, то есть он беспристрастен. Минусы: при разработке программ с ИИ возможна ошибка разработчика, может ошибиться и пользователь. Сам ИИ в процессе действия тоже может придумать то, что не соответствует действительности.

Так, в ноябре 2022 г. была запущена демоверсия новой языковой модели Galactica на базе нейросети. Эта система предназначалась для «хранения, объединения и анализа научных знаний», должна была генерировать тексты и помогать в написании статей.

Однако через несколько дней систему закрыли, поскольку пользователи начали генерировать с ее помощью, по данным СМИ, контент с расистским и оскорбительным содержанием, а также создавать наукоподобные статьи, содержание которых могло привести к потенциально опасным последствиям. Например, один из пользователей сгенерировал вымышленную исследовательскую статью под названием «Преимущества употребления в пищу измельченного стекла» [3].

Лидер политической партии «СРПЗП» Сергей Миронов написал жалобу в Генеральную прокуратуру РФ на нейросеть Kandinsky за антироссийскую пропаганду. Он ввел в эту нейросеть ряд текстовых сообщений, на основе которых были созданы изображения с «негативным образом России».

«Представители экспертного сообщества сделали подробную выборку материалов этой системы. И получилось, что алгоритм Kandinsky формирует заведомо негативный образ России и положительный образ недружественных стран», – сообщил С. Миронов в своем Telegram-канале. Так, по запросам «прекрасная Россия» и «российский флаг» нейросеть сгенерировала картинку человека без головы на фоне храма Василия Блаженного с флагом РФ, но с неправильными цветами.

Всё это, по мнению С. Миронова, создает «негативный образ России». Он предположил, что проблемы с образом России в нейросети могут быть связаны с разработкой: «Можно предположить, что при создании Kandinsky были использованы и не переработаны разработки недружественных государств».

Но ошибка в картинках – это одно, возможна ошибка в более серьезных вещах.

Член Палаты представителей США от Калифорнии Тед Лью предложил принять поправку, которая запретит ИИ управлять ядерным оружием. Он требует от Пентагона сформировать систему, обеспечивающую «значительный человеческий контроль для запуска ядерного оружия». В предлагаемой поправке отмечено, что люди должны иметь последнее слово при выборе цели для ядерного оружия. В том числе, когда, где и как она будет поражена [4].

Очевидно, что в самом начале пути по внедрению ИИ люди уже ставят перед ним преграды – слишком велик риск, слишком разрушительными могут быть последствия.

Анализ данных опроса Фонда общественного мнения, проведенного среди россиян, показал, что респонденты среди последствий распространения ChatGPT выделили: умственную деградацию людей (8%), появление безработицы из-за автоматизации многих функций (8%), вытеснение людей ИИ, их зависимость от него (5%), распространение ложной, негативной информации (5%), «восстание машин», уничтожение человечества (5%), тотальный контроль за людьми (4%) и т.д. [8].

В последние годы началось активное внедрение ИИ в обучение. Если еще совсем недавно взвешивались доводы «за» и «против» относительно дистанционного образования, быстрого распространения онлайн-курсов, то сегодня научное сообщество обсуждает влияние ИИ на систему образования. Современная молодежь быстро адаптируется к инновациям, с энтузиазмом начинает использовать достижения науки, считая их помощниками в своей жизни. Цифровые технологии воспринимаются молодым поколением как необходимость сегодняшнего времени, их использование позволяет упростить некоторые процессы и повседневные практики [5].

В настоящее время существует несколько технологий ИИ, которые уже применяются в образовательном процессе: машинное обучение, нейронные сети, обработка естественного языка (NLP), компьютерное зрение, робототехника. Особенно хотелось бы отметить значение нейросетей. Нейросети имеют большой обучающий потенциал для оптимизации и индивидуализации образовательного процесса молодежи.

Конечно, технологии ИИ, проникая в сферу образования, позволяют персонализировать образовательный процесс и адаптировать его к индивидуальным особенностям обучаемого. Например, ИИ может использоваться для создания индивидуализированных образовательных программ и учебных планов, которые учитывают потребности и способности каждого студента, что позволяет студентам получать образование, соответствующее их уровню подготовки и интересам. Также сегодня нейросети могут выполнять функцию проверки заданий обучающихся, составлять прогнозную аналитику выполненных заданий и т.д.

Появление в конце 2022 г. ChatGPT произвело «эффект разорвавшейся бомбы» [6]. Технология генеративного ИИ, или ChatGPT, позволяет создавать новый оригинальный контент, похожий на продукт мыслительной деятельности человека, а в чем-то и превосходящий его. Обучающиеся активно стали пользоваться возможностями ИИ при выполнении научных работ, курсовых проектов, выпускных квалификационных работ и т.д. В новостных лентах СМИ появилась информация о случаях использования ChatGPT в

обучении: студент сдал экзамен, защитил диплом, прошел тест и т.д. Такие вспомогательные цифровые технологии приводят к переосмыслению традиционного образовательного процесса.

Активное использование ИИ обучающимися не в созидательных целях спровоцировало реакцию в общественном мнении как в России, так и за рубежом на запрет или ограничение его использования в образовании. Пока полноценная законодательная база для введения запретов или ограничений в отношении ИИ не сформирована, требуется создание соответствующих правовых норм.

К настоящему моменту в сфере образования ученые и преподаватели признают тот факт, что ИИ не исчезнет и с ним нужно будет научиться работать. Анализируя возможности ИИ, научное сообщество подчеркивает его влияние на изменение социального института образования [5]. Наибольшую популярность получили в образовании и активно используются для оптимизации работы студентов нейросети: ChatGPT; GammaApp; FusionBrain; ZebraCat AI; KickResume; QuillBot; ChatBCG; AI txt и другие. Данные нейросети моделируют язык, пишут тексты, создают презентации, генерируют изображения и выполняют многие другие задачи, что позволяет успешно использовать их в работе студентов [7].

Это означает, что ИИ под управлением человека можно эффективно использовать в учебном процессе, так как это позволяет значительно сократить физические и временные ресурсы, затрачиваемые на образовательный процесс. Например, если студенту нужно изучить большое количество литературных источников, то ИИ может помочь следующим образом: сократить время на анализ текстов – при поиске научной литературы студент может запрашивать у ИИ краткий пересказ найденных источников и на его основе принимать решение, стоит ли читать полный текст конкретного произведения.

Однако нельзя игнорировать и тот факт, что ИИ может использоваться недобросовестными студентами для обхода требований учебных заведений и «нелегального» упрощения своей учебы. В числе основных аспектов использования ИИ, которые вызывают беспокойство, можно выделить следующие: использование ИИ для перефразирования текстов других авторов и генерации на их основе «оригинальных» работ; создание полностью сгенерированных текстов эссе/докладов/курсовых работ и т.д. (без контроля достоверности информации); использование ИИ, в том числе голосовых ассистентов, для прохождения тестирований; обход систем прокторинга.

Таким образом, многое зависит от того, как использовать ИИ: выполнять с его помощью механические задачи (оформление текстов или проверка орфографии) или же полностью перекладывать всю работу на ИИ (что не совсем честно и может привести к ненаучным выводам), в связи с чем актуализируется необходимость разработки регламента

использования ИИ в образовательной сфере. Студент должен учиться при помощи ИИ, но ИИ не должен заменять студента, а лишь помогать ему.

Поскольку применение технологий ИИ стало для образования серьезным вызовом, встает вопрос о регламентации использования данных технологий в учебных заведениях: вправе ли студенты использовать ИИ для выполнения заданий и написания научных работ; является ли использование ИИ нарушением требования о самостоятельности; считается ли факт использования ИИ поводом для выставления неудовлетворительной оценки или аннулирования результата. В настоящий момент ни в одном из действующих правовых актов в сфере образования нет ни запрета на использование ИИ, ни каких-либо норм о том, как его можно использовать в образовательном процессе. Возможно, есть смысл обязать студентов добавлять в свои работы пометки типа «информация была собрана/получена с помощью технологий ИИ».

ИИ используется обеими сторонами образовательного процесса: с одной стороны, ИИ используется для генерации оригинальных текстов, с другой стороны, происходит обучение ИИ обнаружению сгенерированных текстов. Например, российская система обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат» может отслеживать машинно-сгенерированные тексты, при этом для определения сгенерированного текста также используются алгоритмы ИИ, призванные решать задачи детектирования [8].

При применении ИИ преподавателями можно выделить два ключевых направления: прокторинг и адаптивное обучение. Прокторинг подразумевает использование ИИ для контроля во время экзаменов: он обеспечивает фиксацию нарушений со стороны студентов. Адаптивное обучение позволяет адаптировать содержание курса и способы подачи материала под каждого студента, с учетом его особенностей, уровня и темпа усвоения материала; автоматически оценивать работы студентов, предлагать обратную связь и рекомендации для улучшения результатов; создавать интерактивные учебные материалы; оценивать работу студентов для определения их слабых мест.

Таким образом, следует использовать ИИ при образовании молодежи, поскольку в настоящее время преимуществ от внедрения ИИ в образовательный процесс больше, чем недостатков. Применение технологий ИИ в образовании может быть очень полезным. Среди основных преимуществ можно выделить: простоту использования, быструю адаптацию под потребности пользователя, экономию времени студентов, новые методы оценки. ИИ может быть полезным для преподавателей в определении индивидуальных потребностей и предпочтений в обучении студентов. Благодаря нейросети можно проанализировать сильные и слабые стороны каждого студента, а также учитывать их интересы, что позволит создать индивидуальные планы обучения. Еще нейросеть может анализировать учебный процесс и

выявлять проблемы, а также предлагать решение этих проблем.

Однако общественное мнение обеспокоено изменениями, которые могут произойти при внедрении нейросетей в образовательный процесс. Трудно пока точно сказать, какие недостатки или ограничения несет ИИ для обучения личности.

Вряд ли можно заменить традиционный образовательный формат на полное обучение с помощью нейросетей. Возможно, если из образовательного процесса уберут преподавателя, то это сильно повлияет на подачу и восприятие преподаваемого материала. Использование ИИ при аттестации студентов может снизить качество обучения. Скорее всего, нейросеть будет ожидать от студента четкого определения или ответа. В настоящее время обучающийся может на экзамене рассказать суть вопроса, не заучивая материал наизусть, то есть главным выступает понимание проблемы.

Сегодня существуют онлайн-курсы по разным направлениям, которые позволяют получить специализацию, но люди в большинстве отдают предпочтение традиционному высшему образованию. «Живое общение» с преподавателем невозможно заменить. В этой связи, скорее всего, ИИ должен применяться в обучении фрагментарно.

Таким образом, отмечая конструктивные и деструктивные возможности ИИ, полагаем, что использование технологий ИИ в образовании может принести пользу и преподавателям, и студентам. Однако его использование в данной сфере должно быть строго регламентировано.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. А. Правовые аспекты развития систем искусственного интеллекта // Закон. – 2023. – № 12. – С. 157–166.
2. ChatGPT обманул юриста в США – Искусственный интеллект сослался на несуществующие дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/discussion/2023/5/29/chatgpt_obmanul_yurista_v_ssha__iskusstvennyj_intellekt_soslalsya_na_nesuschestvuyuschie_dela (дата обращения: 10.11.2024).
3. Киреев А. Нейросеть для написания научных статей посоветовала есть дробленое стекло [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hightech.fm/tag/issledovanieeklo> (дата обращения: 10.11.2024).
4. Пархоменко Г. В США предложили запретить ИИ применять ядерное оружие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/04/27/v-ssha-predlozhili-zapretit-ii-primeniat-iadernoe-oruzhie.html> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Корж Н. В., Супиков В. Н. Применение искусственного интеллекта в образовательном процессе: взгляды молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2024. – № 1 (69). – С. 15-26.

6. Токтарова В. И., Попова О. Г., Сагдуллина И. И., Белянин В. А. Технологии искусственного интеллекта в практике современного высшего образования // Вестник Марийского государственного университета. – 2023. – Том 17. – № 2 (50). – С. 210–220.
7. Широколобова А. Г. Искусственный интеллект как инструмент оптимизации работы преподавателя высшей школы // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2024. – Том 9. – № 2. – С. 138–145.
8. Субботина М. В. Искусственный интеллект и высшее образование – враги или союзники // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Том 24. – № 1. – С. 176–183.

КРИУШЕНКОВА Е. Е., ЛАРЬКИНА А. П.
ПРОБЛЕМЫ ВЫСТРАИВАНИЯ ДОВЕРИЯ КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ
В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. Статья посвящена роли доверия как правовой категории в процессе выстраивания политических отношений между Россией и государствами-участниками СНГ. Признавая ключевыми основами взаимного доверия прозрачность, открытость, предсказуемость, авторы отмечают особую значимость в деле укрепления доверия практику совместного участия в решении внутренних проблем стран Содружества.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, доверие в праве, политика доверия, элементы политики доверия, сотрудничество государств.

KRIUSHENKOVA E. E., LARKINA A. P.
ISSUES OF BUILDING TRUST AS LEGAL CATEGORY
WITHIN THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Abstract. The article is devoted to the role of trust as legal category in the process of building political relations between Russia and the CIS member states. Recognizing transparency, openness, predictability as the key foundations of mutual trust, the authors note the special significance of the practice of joint participation in solving the internal problems of the Commonwealth countries.

Keywords: Commonwealth of Independent States, trust in law, trust policy, elements of trust policy, cooperation of states.

Можно было бы представить, что в век интеграции и активного развития международных отношений государства уже научились мирно сосуществовать, уважать суверенитет и безопасность, учитывать интересы друг друга. На практике нерешенность некоторых вопросов, возникающих в процессе взаимодействия государств, порождает ряд противоречий, которые и становятся определяющим фактором эскалации международных конфликтов, проявляющихся в большей или меньшей степени в разных регионах мира.

Для развития дружественных и продуктивных связей между странами ключевым условием является уровень доверия между ними. Благодаря прямым и честным диалогам можно найти ответы на самые сложные и значимые вопросы в области межгосударственных отношений, в то время как конфронтация и взаимное очернение лишь усугубляют кризисную ситуацию. Именно взаимное доверие способствует формированию дружественных межгосударственных связей.

Правовая категория «доверие» имеет многоаспектный характер, в научной литературе наиболее исследованным феноменом является доверие народа (общества) к власти,

получившее фундаментальное освещение в научных трудах О. Е. Кутафина [1], Б. С. Крылова [2], Е. И. Козловой [3] и др. Правовой аспект понятия доверия в конституционном праве рассматривается в научных разработках Н. А. Арапова, В. Д. Зорькина, С. В. Наруто, А. Н. Кокотова, В. В. Комаровой и ряда других авторов. В конституционной доктрине отмечается не только значимость института доверия, но и выделены критерии его оценки как конституционно-правовой категории [4, с. 19].

Применительно к межгосударственным отношениям России правовая категория доверия некоторыми представителями науки конституционного права характеризуется как принцип взаимодействия, правда, только применительно к государствам-членам Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) [5, с. 43]. В современных условиях, когда об успешном взаимодействии России с большинством европейских, и не только, государств говорить не приходится, указанный подход приобретает особую актуальность. Противостояние и недружественные действия по отношению к Российской Федерации обусловлены рядом причин, главной из которых, бесспорно, является проведение специальной военной операции. В результате страна оказалась в довольно сложном положении, на нас наложено неимоверное количество санкций (и данный процесс продолжается), а число стран-союзниц, с которыми действительно возможно дальнейшее плодотворное сотрудничество, достигло критически малого уровня. Это своего рода кризис доверия в межгосударственных отношениях России. Наряду с внешнеполитическим, в научной литературе отмечается наличие кризиса доверия и внутри страны, в своей совокупности характеризующего сложившуюся ситуацию «национальной особенностью» современного этапа в развитии России [6, с. 3].

Безусловно, кризис доверия требует комплексного подхода и готовности к разумным компромиссам со стороны всех вовлеченных в процесс противостояния государств. Преодоление такого кризиса является довольно трудоемким и, часто, длительным процессом, однако, именно такой подход может привести к реальному укреплению международной стабильности и безопасности, расширению экономического сотрудничества, способного приносить пользу и взаимную выгоду всем участникам межгосударственных отношений.

На настоящий момент представляется важным и необходимым продолжить дальнейшее развитие и совершенствование «политики доверия», существующей между Россией и немногочисленным кругом дружественных государств, входящих в состав СНГ. В частности, следует продолжить обмен информацией, консультации и сотрудничество в области безопасности, в том числе информационной [7, с. 35]. При этом нужно иметь в виду, что ключевыми элементами политики доверия являются прозрачность, открытость и предсказуемость стран Содружества, стремление к диалогу. Постоянно возрастает значимость такого важного инструмента, максимально способствующего созданию доверия и

безопасности, как военно-политическое сотрудничество. Оно включает в себя проведение совместных учений, обмен опытом и информацией, взаимодействие в военно-технической сфере и пр. Такое взаимодействие позволяет не только укреплять двусторонние и многосторонние отношения между странами, но и способствует повышению уровня взаимопонимания и предсказуемости действий партнеров на международной арене. Например, совместные учения дают возможность не только отработать согласованные оперативные действия, но и выявить возможные проблемы и несоответствия в военных доктринах государств, что, в свою очередь, способствует их устранению и повышению общей эффективности взаимодействия.

Вышеперечисленные элементы и механизмы содействуют укреплению взаимодействия между государствами, улучшают понимание и укрепляют доверие между ними, что способствует предотвращению между ними конфликтов и обеспечению безопасности. Надо признать, что сотрудничество именно такого уровня уже складывается с некоторыми странами-участницами СНГ, в полном соответствии с учредительными документами Содружества, в которых прямо закреплено, что «Содружество служит дальнейшему развитию и укреплению отношений дружбы, добрососедства, межнационального согласия, доверия, взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества между государствами-членами» [8]. Вместе с тем, приходится констатировать, что в настоящий момент не все члены СНГ поддерживают внешнюю политику Российской Федерации, соответственно, даже в рамках Содружества сужается круг государств, с которыми можно строить доверительные отношения. Поскольку взаимодействие государств на международной арене происходит преимущественно в рамках международных объединений, в качестве дополнительной возможности доверительного сотрудничества следует использовать Шанхайскую организацию, значительная часть участников которой (страны СНГ – Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Узбекистан, Республика Таджикистан) являются, на сегодняшний день, дружественными для Российской Федерации.

При выстраивании доверительных отношений государствам – членам Содружества приходится идти на определенные риски, иногда даже отступать от собственных интересов, ради будущего блага. Одним из показателей осуществления доверительной политики является демонстрация уязвимости государств-союзников друг перед другом, позволяющего поддерживать и доказывать доверие на практических примерах. Имеются в виду отдельные внутригосударственные проблемы, спонтанно возникающие в дружественных для России государствах, при совместном решении которых появляются новые точки соприкосновения, повышающие уровень доверия между странами.

Таким образом, открытость и готовность к компромиссам становятся ключевыми факторами в построении доверительных отношений. Ведь только признав свои слабости и проблемы, государства могут рассчитывать на искреннюю поддержку и помощь со стороны партнеров. Это, в свою очередь, способствует укреплению взаимного доверия и создает благоприятные условия для совместного решения глобальных задач, что является основой для долгосрочного и стабильного сотрудничества.

Примером могут служить события в Республике Беларусь 2020 года, выразившиеся в дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране в период президентских выборов. Вряд ли можно отрицать значение поддержки официальных властей России в деле защиты суверенитета и независимости Беларуси на тот момент. Вместе с тем ограничение иностранного влияния в СНГ является приоритетной задачей российской внешней политики [9, с. 507-511].

Еще одним примером служит факт активного взаимодействия стран СНГ в рамках январских протестных движений 2022 года в Казахстане, которые нанесли огромный ущерб стране и поставили под удар всю систему государственной власти. В стабилизации обстановки решающую роль сыграла Российская Федерация, по запросу Президента Казахстана оперативно решив вопрос о предоставлении помощи в форме направления миротворческого контингента ОДКБ. Власти Казахстана, обращаясь за помощью, фактически расписались в неспособности собственными силами урегулировать сложившуюся ситуацию, шли на определенные риски. Указание Казахстаном на свои «слабые места» свидетельствует о стремлении к выстраиванию доверительной политики со странами Содружества. Такой шаг со стороны Казахстана также показывает, что в современном мире важно не только уметь самостоятельно принимать решения, но и быть готовым к сотрудничеству и поддержке со стороны других государств. В конечном итоге взаимодействие стран СНГ в таких критических ситуациях может способствовать укреплению стабильности и безопасности в каждом государстве, а также созданию благоприятных условий для развития экономики и социальной сферы.

Всё это свидетельствует о том, что разрабатываемые государствами механизмы по созданию и укреплению доверия и безопасности в рамках Содружества способствуют предотвращению конфликтов, оперативному реагированию на кризисы, поддержанию мира.

В заключение отметим, что в условиях недружественной политики ряда зарубежных стран по отношению к Российской Федерации усиливается необходимость дальнейшего развития сотрудничества с государствами, входящими в СНГ. Страны Содружества обладают особенно тесными связями с Россией в силу территориальной, исторической общности своих народов и даже по юридическим критериям, поскольку правовые системы наших стран имеют

схожую структуру. Дальнейшее формирование общей правовой платформы, при условии ее признания и соблюдения всеми участниками Содружества, может рассматриваться как перспектива сохранения и дальнейшего успешного совместного развития наших государств. Укрепление взаимопонимания и доверия в межгосударственных отношениях будет служить гарантом мира и безопасности для всех стран СНГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. – М.: Норма, 2008. – 542 с.
2. Крылов Б. С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 6. – С. 2–6.
3. Козлова Е. И. Эволюция концептуальных основ народовластия в Российской Федерации // Народовластие и права человека: материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия совместно с Северо-Кавказским институтом – филиалом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ 19-22 октября 2012 г. – М.: РАП, 2012. – С. 51–55.
4. Комарова В. В. Доверие как правовая категория: конституционно-правовые аспекты // Образование и право. – 2023. – № 11. – С. 18–22.
5. Михалева Н. А. Основы конституционного права стран СНГ. – М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2016. – 349 с.
6. Нисневич Ю. А. Кризис доверия как доминантный для России социально-политический фактор // ИНИОН РАН. – 2020. – № 12. – С. 1–10.
7. Дубень А. К. Международное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности: опыт и перспективы развития // Юридические исследования. – 2023. – № 7. – С. 34–39.
8. Устав Содружества Независимых Государств от 12 января 1993 года // Российская газета. – 1993. – 12 февраля.
9. Тонких В. А., Лытнева Н. А. Страны СНГ в системе международной безопасности // Молодой ученый. – 2017. – № 13 (147). – С. 507–511.

ПЕСКОВ П. Д., ПОМНИНА С. Н.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 272 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье обозначены проблемы, возникающие на практике при квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации. Авторы указывают причины, обуславливающие типичные ошибки в квалификации рассматриваемого деяния. В этой связи предложены варианты правильного применения уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: неправомерный доступ, компьютерная информация, компьютерные преступления, преступления в области компьютерной информации.

PESKOV P. D., POMNINA S. N.

**CURRENT ISSUES OF QUALIFICATION OF THE CRIME COVERED
BY ARTICLE 272 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article outlines the problems that arise in practice when qualifying unauthorized access to computer information. The authors indicate the reasons that determine typical errors in qualifying the act in question and offer options for the correct application of criminal law norms.

Keywords: unauthorized access, computer information, cybercrime, crimes in the field of computer information.

Преступления в сфере компьютерной информации являются достаточно распространенной группой преступных деяний в структуре преступности в целом. Согласно данным ГИАЦ МВД России, за период январь-сентябрь 2024 года в сфере компьютерной информации всего было совершено 78376 преступлений (65419 – не раскрыты). Из них 78059 – преступления (65323 – не раскрыты), предусмотренные ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [23]. Вместе с тем, за период январь-декабрь 2023 года всего было совершено 37101 преступление (26094 – не раскрыты), из них – 36788 преступлений (26023 – не раскрыты), предусмотренных ст. 272 УК РФ [24]. То есть, согласно данным уголовной статистики, за девять месяцев 2024 года количество преступлений, связанных с компьютерной информацией, превысило общее количество преступлений, предусмотренных главой 28 УК РФ, совершенных в 2023 году, на 41275 (111,26%). Количественные показатели нераскрытых преступлений за указанный период увеличились на 39325 (150,73%) по сравнению с 2023 годом. Это подтверждает, что вопросы противодействия компьютерной преступности сегодня особенно актуальны.

Возрастающее количество преступных посягательств в сфере персональных данных обусловило принятие законопроекта № 502113-8 [5]. Сможет ли данная новелла в УК РФ стать эффективным инструментом в борьбе с киберпреступностью? Это станет ясно только со временем и в процессе ее практического применения. Однако, учитывая масштабное распространение преступлений, подпадающих под действие ст. 272 УК РФ, на данном этапе невозможно полностью исключить ошибки в правоприменении.

Ошибки в квалификации возникают, в том числе, вследствие особенностей конструкции ст. 272 УК РФ. Остановимся на некоторых из них. Так, проблемным является вопрос отграничения ст. 272 УК РФ и ст. 138 УК РФ. В доктрине и судебной практике можно обнаружить различные подходы к квалификации деяний, подпадающих под указанные нормы. Если их систематизировать, то можно выделить три варианта квалификации.

Во-первых, содеянное квалифицируется только по ст. 272 УК РФ или по совокупности с иными преступлениями, кроме предусмотренных ст. 138 УК РФ. Подобный вариант является наиболее распространенным в правоприменительной практике, поскольку преступления, предусмотренные ст. 272 УК РФ, часто выступают способом совершения других преступных деяний (например, ст.ст. 159, 183 УК РФ и т.д.).

Кроме того, формулировка диспозиции ч. 1 ст. 272 УК РФ позволяет охватить преступные деяния, совершаемые во многих сферах общественных отношений. Так, под действие данной нормы подпадают, например, такие действия как: 1) оформление сим-карт на имя потерпевшего без его личного ведома, совершенное из корыстных побуждений [14]; 2) вход в аккаунт потерпевшего без его ведома и разрешения с одновременным изменением данных для авторизации [17]; 3) установка на игровой консоли компьютерных программ, предназначенных для преодоления мер защиты от использования нелицензионного софта [22]; 4) вход в личный кабинет клиентов банка с использованием персональных данных потерпевшего для изменения кредитного лимита и дальнейшего хищения денежных средств [15]; 5) внесение за денежное вознаграждение заведомо ложных сведений о прохождении вакцинации от новой коронавирусной инфекции (COVID–19) в государственную информационную систему здравоохранения [16]; 6) подключение за денежное вознаграждение непубличных опций на абонентские номера потерпевших [20] и т.п.

Вместе с тем, на практике можно встретить ситуации, подобные следующей. Подсудимый, занимавший должность специалиста офиса ПАО «ВымпелКом», за денежное вознаграждение незаконно скопировал и передал неустановленному лицу сведения о детализации телефонных переговоров абонентов компании. Приговором Суксунского районного суда Пермского края от 18.11.2022 подсудимый признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, и ему назначено наказание в виде

ограничения свободы сроком на 1 год [21] (см. также приговор Самарского районного суда г. Самары от 18.08.2022 по делу № 1-139/2022 [18], приговор Серпуховского городского суда Московской области от 14.01.2019 по делу № 1-27/2019 [19]).

На наш взгляд, данная квалификация является недостаточной по следующим причинам. Содержанием компьютерной информации, неправомерный доступ к которой совершает виновный, в данном случае выступает детализация телефонных переговоров, которая, согласно п. 2 постановления Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 25-П, составляет тайну телефонных переговоров [6]. Учитывая позицию Пленума Верховного Суда РФ, выраженную в п. 4 постановления от 25.12.2018 № 46 [9] и п. 16 постановления от 15.12.2022 № 37 [8], в этом случае квалификация деяния должна осуществляться по совокупности соответствующих частей ст.ст. 272 и 138 УК РФ. В науке уголовного права справедливо отмечается, что иной подход будет означать поглощение ч. 1 ст. 272 УК РФ предмета преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 138 УК РФ, и наказание за неправомерный доступ к компьютерной информации должно быть больше, чем 2 года лишения свободы [2, с. 78].

Во-вторых, деяние квалифицируется только по ст. 138 УК РФ. Например, подсудимая, используя служебное положение и действуя из корыстных побуждений, скопировала и передала через мессенджер «Telegram» сведения о телефонных соединениях абонента компании. Постановлением Октябрьского районного суда г. Уфы от 23.09.2021 по делу № 1-386/2021 подсудимая была освобождена от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 138 УК РФ, с назначением судебного штрафа в размере 20 000 рублей [7].

Приведенный вариант квалификации также следует признать недостаточным. В уголовно-правовой доктрине имеется позиция, согласно которой квалификация только по ст. 138 УК РФ привела бы к значительному ослаблению ответственности и, ввиду этого, если санкция соответствующей статьи УК РФ ниже, чем санкция ст. 272 УК РФ во всех случаях необходимо квалифицировать данные преступления по совокупности [3, с. 160].

Квалификация исключительно в рамках ст. 138 УК РФ представляется возможной в случае, если она будет дополнена частью третьей, которая установила бы такой квалифицированный состав преступления, как «деяние, предусмотренное частью первой, совершенное путем неправомерного доступа к компьютерной информации». Однако это нецелесообразно, поскольку возникает проблема определения максимального размера наказания за содеянное. Более того, эта формулировка носит общий характер и не позволит индивидуализировать наказание лицу, взломавшему чей-либо аккаунт в социальной сети и ознакомившемуся с содержанием переписок, и лицу, занимающему должность специалиста в салоне сотовой связи и продавшему сведения о детализации телефонных соединений.

Общественная опасность этих деяний различна, как минимум по признаку использования виновным служебного положения. Всё же вариант квалификации по совокупности является наиболее оптимальным и соответствующим положению ч. 2 ст. 17 УК РФ.

В-третьих, деяние квалифицируется по совокупности ст.ст. 138 и 272 УК РФ. Так, подсудимый, будучи сотрудником салона сотовой связи, скопировал персональные данные и сведения о детализации телефонных переговоров абонентов компании. Приговором Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 26.04.2022 по делу № 1-335/2022 подсудимый признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 138, ч. 3 ст. 272 УК РФ [11].

Таким образом, последний вариант квалификации является единственно верным и соответствующим положениям действующего уголовного законодательства. В то же время мы убедились, что, несмотря на имеющиеся разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [8], в правоприменительной практике возникают сложности при юридической оценке судом действий подсудимых.

Следующая проблема заключается в правильном отграничении ст. 272 и ст. 274.1 УК РФ при квалификации преступных посягательств, совершенных работниками салонов связи. Необходимо отметить, что признаки состава преступления, предусмотренного ст. 274.1 УК РФ, уже становились предметом научного исследования [1]. В связи с этим целесообразно сделать акцент на проблемах, возникающих при рассмотрении уголовных дел в суде.

На практике возможна ситуация, когда деяния, соответствующие признакам преступления, предусмотренного ч. 1 или ч. 3 ст. 272 УК РФ, квалифицируются по ч. 2 или ч. 4 ст. 274.1 УК РФ соответственно. Основания такой квалификации исключительно формальные – причинение вреда информационной системе, базе данных и т.п., которые включены в реестр значимых объектов критической инфраструктуры Российской Федерации (далее – Реестр) без учета характера причиненного вреда. Так, подсудимый, будучи сервисным инженером ПАО «Ростелеком», по просьбе соседки, действуя из корыстной заинтересованности и используя учетные данные клиентов компании, подключил ее квартиру к сети «Интернет» и впоследствии внес данные о подключенной услуге в базы данных «Старт IP» и «Радиус». Приговором Ленинского районного суда г. Саранска от 31.01.2023 г. по делу № 1-65/2023 подсудимый признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 274.1 УК РФ и ч. 3 ст. 274.1 УК РФ [13].

Ключевым признаком, по которому следует отграничивать составы преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 274.1 УК РФ и ч. 3 ст. 272 УК РФ, является причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации (далее – КИИ РФ). Следовательно, суду надлежит не только указать на включение той или иной информационной

системы, содержащей компьютерную информацию, к которой совершен неправомерный доступ, в Реестр, но и описать, какой именно вред был причинен КИИ РФ, в чем он выражается.

Вместе с тем, в правоприменительной практике суды при описании вреда, причиненного КИИ РФ, нередко используют самые общие формулировки. Так, Ленинским районным судом г. Саранска в вынесенном приговоре указано, что причиненный вред выразился в модификации компьютерной информации, в результате чего в базах данных ПАО «Ростелеком», которые включены в Реестр, содержится недостоверная и необъективная информация [13]. Аналогичное описание можно обнаружить в приговоре Армянского городского суда Республики Крым от 19.10.2022 г. по делу № 1-89/2022, которым несколько лиц признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 274.1 УК РФ, в связи с внесением недостоверных сведений в государственную базу данных Минздрава России о вакцинированных от COVID-19 лицах [12]. В другом случае суд указал на нарушение безопасности информации и дискредитацию деловой репутации компании, которая владеет объектами, включенными в Реестр [10].

На наш взгляд, в обоснование причинения вреда КИИ РФ недостаточно сослаться на нахождение базы данных и подобных объектов в Реестре. Необходимо, чтобы этот вред был существенным (например, чтобы он создавал угрозу жизни и (или) здоровью неограниченного круга лиц).

Подобный подход будет соответствовать цели принятия Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», которую можно вывести из пояснительной записки к проекту указанного закона [4]: защита критической инфраструктуры от хакерских атак, сопоставимых с теми, что повлекли остановку центрифуг иранской атомной станции в сентябре 2010 года или паралич деятельности банков Южной Кореи в марте 2013 года.

В приведенных примерах обоснованным можно признать лишь приговор в отношении медработников из Республики Крым [12]. Это обусловлено тем, что внесение недостоверных сведений о вакцинированных от COVID-19 в период пандемии не только означает циркуляцию заведомо недостоверной информации в единой базе данных Минздрава России, но и является препятствием для объективной оценки масштабов распространения болезни, количества инфицированных, ставя под угрозу здоровье и жизни неограниченного круга лиц. В других приведенных случаях совершенные деяния необходимо было квалифицировать по ст. 272 УК РФ.

Следует также обратить внимание на то, что наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 274.1 УК РФ, составляет от 3 до 8 лет лишения свободы. В то же

время за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 272 УК РФ, наказание в виде лишения свободы, во-первых, не является единственным основным возможным наказанием, и, во-вторых, срок лишения свободы, назначаемого за данное преступление, составляет до 5 лет. Таким образом, вследствие использования оценочных понятий (вред, причиненный КИИ РФ), отсутствия разъяснений высших судов по данной категории дел возникла ситуация, при которой виновным лицам, совершившим преступные деяния при аналогичных фактических обстоятельствах, может быть назначено несправедливое наказание по обозначенному формальному признаку.

В заключение можно констатировать, что вновь введенные в уголовный закон нормы, закрепляющие уголовную ответственность за преступные посягательства на КИИ РФ, лишь создали конкуренцию между статьями 272 и 274.1 УК РФ, которая является трудноразрешимой на практике. Мы считаем, что вместо осуществленной криминализации целесообразно было бы дополнить ст. 272 УК РФ квалифицированным составом, предусматривающим ответственность за «неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации, если это деяние повлекло причинение существенного вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» (аналогично со ст.ст. 273 и 274 УК РФ); дать толкование существенного вреда и закрепить правила квалификации таких преступлений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37.

Кроме того, в случае введения в УК РФ ст. 272.1 возникнет ситуация, когда большинство преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, будут квалифицироваться по новой норме, поскольку в базах данных (мобильных операторов, различных государственных банках информации и т.п.) содержатся именно персональные данные граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бражник С. Д. Технико-юридический анализ нормы о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) // Евразийское Научное Объединение. – 2019. – № 8-3 (54). – С. 198–201.
2. Винокуров В. Н. Пределы действия нормы, предусмотренной статьей 272 Уголовного кодекса РФ // Российский юридический журнал. – 2021. – № 4 (139). – С. 73–82.
3. Гребеньков А. А. Проблемы разграничения неправомерного доступа к компьютерной информации с другими составами преступлений // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2012. – № 2-1. – С. 159–163.

4. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Законопроект № 47571-7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47571-7> (дата обращения: 20.10.2024).
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные: Законопроект № 502113-8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8#bh_e (дата обращения: 20.10.2024).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 25-П от 26 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Постановление Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан №1-386/2021 от 23.09.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 37 от 15 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
9. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 46 от 25 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
10. Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия № 1-805/2020 от 29.07.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Приговор Автозаводского районного суда города Нижнего Новгорода № 1-335/2022 от 11.05.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
12. Приговор Армянского городского суда Республики Крым № 1-89/2022 от 19.10.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
13. Приговор Ленинского районного суда города Саранска Республики Мордовия №1-

- 65/2023 от 31.01.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 20.10.2024).
14. Приговор Ленинского районного суда города Саранска Республики Мордовия №1-372/2023 от 26.11.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
15. Приговор Октябрьского районного суда города Рязани № 1-32/2023 от 23.06.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
16. Приговор Первомайского районного суда города Пензы № 1-178/2022 от 07.06.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
17. Приговор Пролетарского районного суда города Саранска Республики Мордовия № 1-186/2021 от 29.06.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
18. Приговор Самарского районного суда города Самары № 1-139/2022 от 18.09.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
19. Приговор Серпуховского городского суда Московской области № 1-27/2019 от 14.01.2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
20. Приговор Советского районного суда города Нижнего Новгорода № 1-410/2023 от 22.11.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
21. Приговор Суксунского районного суда Пермского края № 1-64/2022 от 18.10.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
22. Приговор Тамбовского районного суда Тамбовской области № 1-46/2023 от 08.02.2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.10.2024).
23. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/56672721/> (дата обращения: 10.11.2024).
24. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.11.2024).

ЧЕБУРЕНКОВ А. А., ШУБНИКОВ А. А.
ВЫЯВЛЕНИЕ И РАЗОБЛАЧЕНИЕ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В данной статье проводится анализ логических, психологических, тактических приемов, позволяющих следователю выявить ложь в показаниях подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, изобличить недобросовестных допрашиваемых с целью успешного раскрытия и расследования преступлений. Важную роль при этом играют правильное понимание следователями сущности лжи, знание ее разновидностей, типичных признаков, представление о процессе формирования ложных показаний.

Ключевые слова: ложь, ложные показания, доказательства, вербальная информация, приемы, симптомы лжи, средства выявления и разоблачения лжи, полиграф, гипноз.

CHEBURENKOV A. A., SHUBNIKOV A. A.
REVEALING AND EXPOSURE OF FALSE TESTIMONY IN CRIME INVESTIGATION

Abstract. This article analyzes logical, psychological, tactical methods that allow an investigator to identify lies in the testimony of suspects, accused, victims, witnesses and expose dishonest interrogated persons in order to successfully solve and investigate crimes. In this connection, a number of factors play an important role, such as the correct understanding of the essence of lies by the investigator, knowledge of its varieties and typical signs, an idea of the process of giving false testimony.

Keywords: lies, false testimony, evidence, verbal information, methods, symptoms of lies, means of revealing and exposing lies, polygraph, hypnosis.

В досудебном производстве показания подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей являются важнейшим источником доказательств и от них во многом зависит успех всей деятельности следователя (дознавателя) по расследованию конкретного преступления. Участники преступного события и его очевидцы часто располагают ценной информацией о наиболее существенных обстоятельствах расследуемого преступления. Ограниченность материальной доказательственной информации по некоторым категориям уголовных дел также придает особое значение показаниям и обуславливает необходимость их получения и использования на всех этапах расследования преступлений.

Однако правильное установление на основе показаний различных участников расследования обстоятельств по уголовному делу возможно, только если содержащиеся в показаниях сведения будут достоверными и полными. Когда же эти сведения являются ложными, то они, наоборот, дезориентируют следователей, препятствуют правильному

пониманию расследуемого события и установлению всех его юридически значимых обстоятельств. Всё это может привести к серьезным нарушениям и ошибкам, в частности, осуждению невиновных или уходу от заслуженной ответственности виновных.

В этой связи, расследуя на практике конкретные преступления, следователь вынужден прилагать немалые усилия для того, чтобы предупредить, а также выявить и разоблачить ложь в показаниях недобросовестных лиц, по тем или иным причинам искажающих действительные обстоятельства дела, пытающихся воспрепятствовать установлению истины. Для решения этой сложной задачи необходимы знание практическими работниками следственных органов признаков ложных показаний, приемов выявления лжи, разоблачения нечестных помыслов подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и свидетелей, тактически правильное применение соответствующих приемов, что является важной предпосылкой раскрытия и расследования преступлений.

Для успешной борьбы с ложью в судопроизводстве, прежде всего, необходимо правильное понимание сущности такого явления, как ложь.

В общеупотребительном смысле ложь – это намеренное искажение истины, неправда, обман. Лгать – значит говорить неправду [7, с. 320, 331]. Такого понимания вполне достаточно для использования в быту, где ложь, за некоторыми исключениями, не приобретает серьезного социального значения. Однако для того, чтобы разработать научно обоснованные рекомендации по предупреждению и разоблачению лжи в судопроизводстве, в частности, в сфере работы с показаниями допрашиваемых лиц, необходим научно достоверный подход, основанный на применении объективных критериев определения достоверности информации.

Ложь – понятие многоаспектное. В философском понимании ложь рассматривается как противоположность истине, когда отображение не соответствует отображаемому – объективной действительности.

В логике, оперируя понятиями истинности и ложности, фактически говорят о формальной оценке правильности или неправильности суждений с точки зрения законов мышления.

В психологическом аспекте ложь понимается как сознательное информационное воздействие, которое направлено на введение в заблуждение другого человека и влечет возникновение конфликтного межличностного взаимодействия.

Правда и ложь являются также категориями социальными, они проявляются в социальных, межличностных отношениях.

Важное значение имеет также этическая сторона лжи. В нравственном характере человека всегда привлекает его правдивость, откровенность. Правдивость непосредственно вытекает из этического понятия совести и составляет элемент достоинства человека.

В юридической практике ложь оценивается в плане наступления определенных последствий. Уголовный закон относит некоторые проявления лжи к числу преступных деяний (это, например, клевета; заведомо ложный донос; заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего и др.).

Важным фактором, опосредующим существование лжи в сфере судопроизводства, выступает намерение субъекта, сообщающего ту или иную информацию. В данном аспекте значимым становится не только соответствие информации действительности, но и связь этой информации с объективно-субъективной характеристикой поведения субъекта, сообщающего информацию [11, с. 60]. На этой основе производится разграничение лжи и добросовестного заблуждения (ошибки).

Ложные показания следует отличать от случаев сообщения допрашиваемым несоответствующих действительности сведений в силу добросовестного заблуждения, учитывая объективную сторону показаний (их полноту и достоверность) и их субъективную характеристику (правдивость), в зависимости от психического отношения лица, дающего показания, к их содержанию, его желания или нежелания говорить правду. В отличие от правдивых показаний, которые даются с искренним желанием рассказать всё, что известно допрашиваемому по делу, в ложных показаниях правда умышленно скрывается, допрашиваемый придерживается установки на ложь с целью введения следователя в заблуждение [2, с. 6-7].

Ложные показания можно определить как сообщаемые свидетелем, потерпевшим, подозреваемым или обвиняемым следователю в установленном законом процессуальном порядке сведения, заведомо не соответствующие действительности или искажающие ее, об обстоятельствах, имеющих значение для установления истины по делу.

В ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, свидетель или потерпевший дает ложные показания, перед следователем возникает задача выявления лжи и ее разоблачения.

Как правило, следователь, вступая в кратковременный контакт с допрашиваемыми, не обладает достаточной осведомленностью, которая позволяет в обыденной жизни в условиях тесного психического взаимодействия зачастую легко догадываться, когда человек говорит правду, а когда он лжет. Извечная мечта иметь в своем распоряжении надежные способы угадывания мыслей людей, распознавать их искренность или лживость стимулировала проведение многочисленных исследований, направленных на отыскание доступных наблюдению симптомов лжи или признаков правдивости. С этой целью, например, проводились специальные эксперименты по проверке возможности определения искренности и ложности высказываний человека на основе изучения его поведения, мимики, жестикуляции и т.п. Однозначных результатов при этом получить не удалось. Не подтвердилась

эффективность экспериментов по блокированию у допрашиваемых «центров лжи» с помощью так называемой «сыворотки правды» (в действительности включающей наркотические или психотропные вещества), которая не выявляет ложь, а только повышает внушаемость человека и негативно воздействует на его нервную систему [3, с. 33-34].

Имеющийся опыт должен служить предостережением следователю против его чрезмерной веры в свои интуитивные оценки при допросе. Вместе с тем криминалистика, психология, психофизиология и ряд иных смежных отраслей знания разработали «теоретически обоснованные, широко апробированные на практике в разных странах мира технологии проверки сообщаемых участниками судопроизводства сведений». Профессиональную помощь следователю в использовании данных технологий может оказать специалист-психолог [4, с. 25].

Так, изучение следственной практики и данные психологической науки позволили сформулировать некоторые положения ориентирующего характера о различии ложных и правдивых высказываний по ряду косвенных признаков, а также выделить ряд наиболее распространенных симптомов лжи. В числе таких признаков, в частности, отмечаются:

1. Противоречие высказываний другим собранным по делу доказательствам, а также противоречия внутри самих показаний. Известно, что ложь невозможно продумать во всех деталях. Именно поэтому ложь обычно не выдерживает детализации фактов.

2. Несоответствие содержания показаний описываемой действительности. В этом следователь может убедиться, вспомнив аналогичные жизненные ситуации, свой житейский и профессиональный опыт. В итоге выявляются явные противоречия, абсурды.

3. В ложных показаниях часто отмечается различное объяснение одних и тех же событий на разных допросах.

4. Как правило, в ложных показаниях допрашиваемый сообщает только позитивную в отношении себя информацию, в них отсутствуют какие-либо сомнения в трактовке событий.

5. Для ложных показаний характерны «проговорки», то есть невольное высказывание достоверной информации.

6. Ложные показания отличаются слабой эмоциональной насыщенностью, поскольку допрашиваемый как бы абстрагируется от предмета описания, не переживает его.

7. Давая ложные показания, допрашиваемый неоднократно ссылается на свою добропорядочность и незаинтересованность, это может вызвать сомнение в его искренности.

8. Нередко допрашиваемый уклоняется от ответа на прямой вопрос, пытается создать впечатление, что вопрос следователя им не понят [1, с. 103-109; 3, с. 128-130; 10, с. 48-49].

Также специалистами-психологами отмечается наличие характерных эмоциональных и физиологических реакций, которые могут проявляться у допрашиваемого при ответе на

задаваемые ему следователем вопросы или сам факт выяснения определенных обстоятельств дела (например, бледность, волнение, покраснение лица, внезапная перемена настроения, неоправданные паузы и др.). Это так называемые вегетативные реакции или «жесты неискренности», они могут свидетельствовать о знании допрашиваемым тех обстоятельств, о которых он умалчивает или сообщает недостоверные сведения.

В этой связи важно осуществлять личное наблюдение за допрашиваемым, учитывать те или иные изменения в его поведении на допросе, психоэмоциональном состоянии и внешнем облике.

Оценивая соответствующие реакции, следователь должен особое внимание уделять «тем симптомам, которые практически не поддаются сознательному контролю, либо тем из них, которые имеют объективные причины» [8, с. 227-228]. Так, не всегда возможно подделать полностью язык телодвижений в его разнообразии, поэтому в целом лжец «стремится снизить активность (уменьшение двигательной активности, эмоциональная бледность речи, стремление «надеть непроницаемую маску» бесстрастного выражения лица и др.)» [8, с. 228, 230-231].

В целях более точного определения истинных намерений допрашиваемого при сообщении им сведений в ходе допроса, необходимо также обращать внимание на сочетание вербальных и невербальных проявлений, поскольку дисгармония между ними, явное несовпадение по содержанию информации, сообщаемой на словах, с информацией, передаваемой по невербальным каналам общения, с высокой степенью достоверности свидетельствует о неискренности говорящего [5, с. 148].

Однако, следует помнить, что все названные эмоциональные и физиологические реакции являются индивидуальными. Далеко не всегда они служат показателем того, что лицо сообщает ложные сведения, поскольку причинами таких реакций могут быть и совсем иные обстоятельства, например, обычные опасения и даже страх, обусловленные всего лишь самим фактом вызова человека на допрос, понимание того, что нельзя допускать ошибок, и т.п. Так, следователь на допросе заподозрил одну свидетельницу в неискренности на основании того, что она сильно волновалась при даче показаний. Позднее выяснилось, что причина ее волнения была самая прозаическая – она переживала из-за неудачного наложения косметики на лицо.

Таким образом, психофизиологические проявления не могут быть положены в основу окончательных выводов следователя о достоверности и правдивости сообщенных допрашиваемым сведений. Соответствующие признаки носят ориентирующий характер, позволяя лишь предполагать о возможной даче ложных показаний. Окончательное суждение о ложности сообщаемых допрашиваемым сведений в каждом конкретном случае следователь

делает, основываясь обязательно на анализе содержания показаний и их сопоставлении с другими имеющимися по делу доказательствами.

Эффективным приемом выявления в досудебном производстве ложной информации, источником которой выступает допрашиваемый участник расследования, может служить криминалистический анализ сведений, поступающих к следователю. Указанный анализ включает: а) выявление и изучение источника информации; б) оценку общей правдоподобности информации (с позиции очевидности и реальности фактов); в) установление фактической возможности непосредственного восприятия явлений, событий лицом, дающим о них показания, выявление дефектов восприятия; г) проверку внутренней согласованности (непротиворечивости) содержания показаний и их соответствия установленным обстоятельствам дела и достоверным сведениям о них; д) выяснение дополнительных источников информации, могущих подтвердить соответствующие сведения.

В ситуации допроса, когда допрашиваемый дает ложные показания, следователю приходится использовать специальные методы и приемы, непосредственно направленные на получение правдивых показаний. Это метод убеждения, метод изобличения, метод правомерного внушения, метод эмоционального эксперимента, метод примера [3, с. 111-112; 9, с. 84-96].

В литературе приводится интересный случай использования метода изобличения допрашиваемого во лжи. В один из дней от гражданки Кравченко поступило сообщение о том, что ее муж, Реутов, застрелился. Следователь прибыл на место происшествия, в комнату, где проживали супруги, и обнаружил там труп Реутова, в височной области головы которого имелось огнестрельное повреждение, очевидно, от выстрела в упор, а рядом – служебный пистолет. На допросе Кравченко показала, что ее муж в последнее время находился в подавленном состоянии, много выпивал и, наверное, решил свести счеты с жизнью.

Следователь решил проверить показания Кравченко и назначил по делу ряд экспертиз. В результате проведенного исследования эксперт пришел к выводу, что для того, чтобы признать факт совершения Реутовым самоубийства необходимо, чтобы входное отверстие от пули находилось на полсантиметра левее от обнаруженного на голове трупа. Данный вывод подтверждался математическими расчетами и схемой полета пули из пистолета, находящегося в правой руке Реутова, к его голове.

Поскольку в комнате, где произошло происшествие, в момент выстрела были только погибший и его жена, у следователя возникло подозрение о ее причастности к смерти Реутова.

Вызвав Кравченко на допрос, следователь предъявил ей заключение эксперта, сделав необходимые пояснения. Кравченко внимательно прочитала это заключение и вдруг произнесла: «Да, я ошиблась всего на полсантиметра. Как глупо!». После этого Кравченко

призналась в убийстве своего мужа [12, с. 131-136].

Современная практика борьбы с преступностью выработала так называемые инструментальные методы выявления лжи. Речь идет о применении с целью проверки достоверности значимой для расследования информации специального прибора – полиграфа (детектора лжи). Методика проверки на полиграфе основана на фиксации внешних проявлений физического или психического состояния человека, который испытывает страх перед разоблачением.

С помощью полиграфа измеряются и фиксируются физиологические изменения внутреннего состояния человека: дыхание, сердцебиение, напряжение мышц, давление крови, температура тела, биотоки мозга, электрическая проводимость кожных покровов и др., которые рассматриваются как ответная реакция организма на внешние раздражители, в частности вопросы, на которые можно дать правдивый или ложный ответ.

Конечно, в данной методике есть рациональное зерно – прибор может зафиксировать определенное отношение испытуемого к значимой для следствия информации, например, к такой, которая свидетельствует о его причастности к преступлению. Однако, следует учитывать, что саму по себе ложь полиграф зарегистрировать не может, он позволяет лишь выдвинуть обоснованное предположение (версию) о ложности или правдивости высказываний допрашиваемого. Процедура с полиграфом – это не допрос, а фактически испытание в форме тестов. И проводят это тестирование не следователи и не судьи, а специалисты-операторы.

На практике возможны ошибки в истолковании результатов испытания на полиграфе. Эти ошибки могут быть связаны с особенностями личности испытуемого (например, болезненным состоянием человека), недостатками оператора (его недостаточным опытом) или условиями испытания (например, внешними отвлекающими воздействиями). Нельзя исключить также и такие субъективные, но немаловажные факторы, как давление на оператора в выгодную для следствия сторону, попытки испытуемого обмануть полиграф с помощью специальных уловок.

Учитывая это, сегодня результаты обследования на полиграфе обоснованно не признаются бесспорным доказательством правдивости или ложности показаний испытуемого. Они имеют лишь оперативно-тактическое значение и не должны подменять доказательства, полученные в установленном законом порядке.

Аналогичную оценку получила и методика проведения опроса лиц в состоянии гипноза. Поскольку, находясь в гипнотическом состоянии, человек не осознает свое поведение, не способен контролировать ситуацию, реализовывать свои права, сообщенная в этом случае информация, даже имеющая значение для дела, не может иметь полноценного

доказательственного значения. Подчиняясь внушению гипнотизера, человек может наговорить что угодно на себя и на других, искренне веря в достоверность своих искаженных воспоминаний даже после окончания сеанса гипноза. В этой связи не исключены серьезные следственные ошибки при использовании информации, полученной в результате допроса лица, введенного в гипнотическое состояние. Поэтому гипноз правильнее рассматривать лишь как средство восстановления памяти, но не гарантию достоверности полученной с его помощью информации [6, с. 23-24].

Проведенное исследование проблем выявления и разоблачения ложных показаний при расследовании преступлений позволяет сделать вывод о том, что наличие типичных признаков (симптомов) лжи и сопровождающих ее психологических и физиологических явлений и реакций создает необходимые условия для принципиального выявления (диагностики) лжи. При этом не существует однозначных признаков, которые с необходимостью указывали бы на намерение допрашиваемого лица ввести следователя в заблуждение. Следственная практика также до настоящего времени не выработала универсального метода выявления лжи в показаниях участников уголовного судопроизводства. Для решения задачи распознавания ложных и правдивых показаний необходимо оценивать все признаки сообщаемых допрашиваемым сведений в совокупности, дополняя оценку признаков результатами анализа собранных по делу доказательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баев О. Я. Тактика следственных действий: учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 208 с.
2. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. – М.: Юрид. лит., 1970. – 208 с.
3. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. – Волгоград: Нижне-Волжское книж. изд-во, 1984. – 192 с.
4. Комиссарова Я. В. Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. – 2023. – № 4. – С. 22–28.
5. Комиссарова Я. В., Семенов В. В. Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 224 с.
6. Исаева Л. Психологические методы // Законность. – 2007. – № 9. – С. 21–24.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.
8. Полстовалов О. В. Современные проблемы криминалистической тактики. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 376 с.
9. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические

аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 304 с.

10. Ратинов А. Р., Гаврилова Н. И. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью. Выпуск 37. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 44–57.

11. Центров Е. Е., Подвойский К. В. Криминалистическая диагностика лжи: теоретические основы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2016. – № 4. – С. 59–67.

12. Шейнин Л. Р. Записки следователя. – М.: Сов. писатель, 1968. – 464 с.

БЕКЕТОВА Ю. А.

**ЯДОВИТЫЕ ВЕЩЕСТВА КАК СРЕДСТВА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Аннотация. В механизме ряда преступлений, связанных с посягательствами на жизнь и здоровье человека, в качестве средств их совершения могут выступать ядовитые вещества. Автор рассматривает ядовитые вещества как особый объект изучения в криминалистике, являющийся источником важной информации, фактической основой для выдвижения следственных версий и определения направлений расследования преступлений. Также отмечается определенная специфика действий по применению указанных веществ в преступных целях, описывается образуемая ими характерная «следовая картина», что требует разработки и реализации специальных криминалистических приемов и методов.

Ключевые слова: токсичные вещества, ядовитые вещества, яды, токсичность, криминальное отравление, средства преступления, способ преступления, следы.

BEKETOVA YU. A.

**POISONOUS SUBSTANCES AS MEANS OF CRIME:
METHODOLOGICAL BASIS OF CRIMINALISTIC STUDY**

Abstract. Poisonous substances can be used as a means of committing a number of crimes related to infringement on human life and health. The author considers poisonous substances as a special object of study in criminalistics, which is a source of important information, a factual basis for putting forward investigative versions and determining the directions of investigation of crimes. In addition, a certain specificity of actions on the use of these substances for criminal purposes is noted. A characteristic "trace picture" formed by them is described, which requires the elaboration and implementation of special forensic techniques and methods.

Keywords: toxic substances, poisonous substances, poisons, toxicity, criminal poisoning, means of crime, method of crime, traces.

Рассматривая любое преступление как объект криминалистического научного и практического познания, исследователи выделяют в его содержании различные элементы в зависимости от того, какой аспект принимается во внимание в качестве ведущего. С позиции системно-деятельностного подхода, который признается одним из эффективных методов изучения преступных деяний, обязательным элементом многих преступлений выступают средства их совершения.

Средства преступления, используемые в процессе совершения посягательства, усиливают поражающий эффект преступного действия, увеличивают вред, причиняемый

объекту (предмету) посягательства. Наличие у преступника средств (орудий) в ряде случаев упрощает задачу совершения преступления, позволяет осуществить его с наименьшими затратами сил либо с минимальной опасностью быть изобличенным или причинить более тяжкий вред, либо делает единственно возможным совершить определенное преступление.

Категория «средства преступления» рассматривается как в уголовно-правовом, так и в криминалистическом аспектах, учитывая соответствующее ее значение для квалификации противоправных действий и разработки криминалистических методов раскрытия и расследования преступлений. Уголовно-правовое понимание средств преступного посягательства охватывает многообразие предметов материального мира, находящихся в непосредственном владении субъекта преступления и используемых им в процессе совершения преступления в качестве орудия воздействия на объект уголовно-правовой охраны [6, с. 452].

С позиции криминалистики средства преступления рассматриваются в более широком значении, как объекты, с помощью которых преступник осуществляет взаимодействие с окружающей средой в ходе реализации преступного замысла. Происходящие при этом взаимодействия процессы и явления вызывают в окружающей среде материальные изменения в виде следов-отражений, содержащих криминалистически значимую информацию [2, с. 125].

Различные преступления предполагают использование преступниками разных средств осуществления посягательства: огнестрельного и холодного оружия, взрывных устройств, орудий взлома, транспортных средств, поддельных документов и т.д. Достаточно широкий круг средств может быть использован преступником при совершении посягательств на жизнь и здоровье человека, в числе которых традиционно выделяют ядовитые и иные токсичные вещества, используемые для совершения убийств, причинения вреда здоровью и др.

Ядовитые вещества известны человеку с древних времен. Первые достоверные упоминания о ядах растений и животных относятся к историческим периодам развития человеческого общества до нашей эры и содержат преимущественно их описание, способы применения в лечебных целях [3, с. 21-22]. Очевидно, что одновременно с этим человек пришел к выводу и об опасности соответствующих веществ и уже пытался их использовать в противоправных целях, лишая других людей жизни, приводя их в бессознательное или болезненное состояния в различных криминальных ситуациях.

Исторические изыскания подтверждают факты использования ядовитых веществ в политических целях для устранения неугодных правителей, конкурентов в борьбе за власть. С периода Первой мировой войны высокотоксичные отравляющие вещества начинают применяться при ведении боевых действий. В бытовой сфере яды нередко используются для устранения неверного или неугодного супруга, с целью скорейшего или внеочередного

получения наследства, завладения чужим имуществом и т.д.

Известное распространение ядов в криминальной практике обусловлено их специфическими свойствами:

1) сильным токсическим воздействием на организм человека даже в малых дозах (так, минимальная токсическая доза, вызывающая отравление, для мышьяка и его соединений составляет 5-50 мг, летальная доза, от которой человек погибает – 50-340 мг; для ртути такие дозы – 0,4 мг и 150-300 мг соответственно; летальная доза синильной кислоты – 50-100 мг, цианидов натрия и калия – 150 мг и 120 мг; минимальные смертельные дозы природных ядов, таких как нейротоксин кобры, столбнячный токсин и др., в десятки раз меньше);

2) доступностью многих ядовитых веществ, объясняемой широким использованием их в промышленности, сельском хозяйстве, в быту, распространением их в природе и т.п.;

3) возможностью незаметного введения яда человеку (с пищей, посредством медицинских процедур под видом лекарственных препаратов, с воздушными смесями и др.);

4) отдаленностью в ряде случаев последствий введения яда в организм человека, в том числе в форме кумулятивного эффекта, когда яд небольшими дозами вводится неоднократно и постепенно накапливается в организме до такой концентрации, при которой проявится его токсическое действие (кумуляция характерна для соединений ртути, мышьяка, таллия, многих лекарственных препаратов);

5) широким спектром или стертой картиной симптомов действия многих ядовитых веществ, схожестью с симптоматикой некоторых заболеваний;

6) сложностью посмертного обнаружения следов ядовитых веществ в тканях и органах человека, обусловливаемой быстрой выводимостью вещества из организма до наступления смерти или разложением в результате внутренних биохимических процессов.

Научные представления о ядовитых веществах характеризуются отсутствием общепринятого определения понятия «яд». К группе ядов одни исследователи относили лишь определенные химические соединения, отличающиеся высокой токсичностью, в то время как другие подчеркивали отсутствие необходимости строгого разделения химических соединений на ядовитые и безопасные, придавая особое значение количеству поступившего в организм опасного вещества.

Современная токсикология оперирует понятием «токсичные вещества», понимая под ними химические соединения, способные в минимальных количествах вызывать тяжкие нарушения жизнедеятельности человека или его гибель. При этом яды рассматриваются как разновидность токсичных веществ.

Важнейшим исходным положением, определяющим возможность признания конкретного вещества ядовитым, следует считать тот факт, что все химические элементы и их

соединения (и природного, и искусственного происхождения) при определенных условиях могут быть ядом, обладать свойством токсичности (негативно воздействовать на живой организм) и приводить к отравлениям. В этой связи большое внимание уделяется наряду с физико-химическими свойствами самого вещества также и условиям его токсического действия (дозе, путям введения, распределению, депонированию и путям выведения из организма, условиям внешней среды, состоянию организма, комбинированию с другими веществами, условиям хранения и пр.) [4, с. 198-199; 5, с. 293-296].

История криминалистики знает случаи использования в преступных целях самых разных токсичных веществ, как обладающих высокой степенью токсичности (соединения мышьяка, синильная кислота и ее производные и др.), так и веществ, которые в обычных условиях представляются неопасными (лекарственные препараты, пищевые добавки, средства бытовой химии). Известны случаи преднамеренного отравления с помощью радиоактивных материалов, которые тоже относятся к классу токсичных веществ (отравление А. Литвиненко радиоактивным элементом полонием-210).

Посредством ядовитых веществ могут совершаться убийства, причинение вреда здоровью, приведение в беспомощное состояние с целью последующего ограбления или изнасилования, искусственное прерывание беременности и некоторые иные деяния. К особой разновидности криминальных деяний следует отнести преднамеренные лекарственные (ятрогенные) отравления, совершаемые медицинскими работниками. Ядовитые вещества могут стать средством совершения террористического акта.

С функциональной стороны применение ядовитых веществ с целью преднамеренного отравления следует рассматривать как способ совершения преступного посяательства. Включение ядовитых веществ в качестве средства в механизм преступного поведения опосредуется различными поведенческими актами, действиями, операциями, реализуемыми преступником. В зависимости от целевой направленности и временной последовательности реализации указанных актов можно выделить стадии подготовки, совершения и сокрытия действий по применению ядовитых веществ.

Подготовка отравления может включать в себя изучение преступником сведений об ядовитых веществах, выбор лицом конкретного ядовитого вещества, его приобретение (изготовление), определение наиболее подходящего пути введения яда в организм конкретного человека (жертвы), выбор времени и места введения ядовитого вещества, поиски необходимых технических средств.

При необходимости на данной стадии подбираются соисполнители (пособники).

Непосредственное применение ядовитого вещества включает, прежде всего, действия по введению яда в организм человека. Способами введения могут быть: через рот (перорально)

вместе с пищей, водой; через органы дыхания; через кожу (абсорбция); путем инъекционного введения под кожу, в мышцы или непосредственно в сосудистое русло. Выбор конкретного способа введения яда производится с учетом физического состояния ядовитого вещества (твердое, жидкое, газообразное), степени токсичности и времени проявления токсического эффекта, ожидаемых последствий, особенностей окружающей обстановки и ряда иных факторов.

Для облегчения процесса введения яда в организм жертвы преступник может выдать ядовитое вещество за лекарственный препарат, пищевую добавку, напиток. Вещества со специфическим запахом и вкусом смешиваются с острыми или солеными продуктами питания, помещаются рядом с пахучими веществами и т.п.

Действия по сокрытию криминального характера отравления состоят, в частности, в маскировке признаков, специфичных для проявления токсического эффекта конкретного ядовитого вещества. С этой целью преступник может скрывать способ и место введения яда в организм (например, прижечь участок на коже, куда была произведена инъекция, промыть участок кожи в месте воздействия едкого яда и т.д.); скрывать симптомы отравления или попытаться выдать их за симптомы какого-либо заболевания; уничтожать следы токсического воздействия ядовитого вещества; предпринимать попытки скрыть сам труп, затянуть время с момента отравления до обнаружения трупа (в расчете на естественное разложение яда).

Типичным способом сокрытия криминального характера отравления является инсценировка, заключающаяся в искусственном создании признаков случайного отравления или самоубийства. С целью инсценировки преступник, например, может ввести потерпевшего в заблуждение относительно опасности определенного вещества либо его безопасной дозы, подстроить якобы случайный прием ядовитого вещества вместо лекарства, выдать признаки отравления за симптомы какого-либо заболевания и т.п.

К попыткам сокрытия содеянного следует относить случаи использования преступником неизвестного (редко встречающегося) яда в расчете на то, что идентифицировать данное вещество будет невозможно.

В клинической токсикологии выделяют несколько периодов отравления (интоксикации): скрытый (характеризуется отсутствием соответствующих симптомов), токсикогенный (начинается с первыми клиническими симптомами и заканчивается после окончательной элиминации (удаления) яда из организма), соматогенный (когда возникают органные и полиорганные повреждения уже после элиминации яда). У человека, выжившего после отравления, начинается восстановительный период [3, с. 45]. Данная периодизация имеет определенное криминалистическое значение, поскольку способствует решению задач по диагностике использованного при отравлении ядовитого вещества, определению и оценке

наступивших последствий.

Важное значение криминалистика придает изучению источников информации о преступных действиях лица, позволяющих получить полное и правильное представление об обстоятельствах расследуемого события. При преднамеренных отравлениях такими источниками являются: ядовитое вещество; труп; органы и ткани трупа; живой человек (потерпевший); следы биологической природы; предметы материальной обстановки со следами ядовитых веществ; очевидцы и иные свидетели манипуляций с ядовитыми веществами; документы, указывающие на приобретение, передачу, хранение, изготовление, использование ядовитых веществ.

Применение ядовитых веществ в криминальных целях специфично: оно оставляет характерные следы-последствия в окружающей среде. К типичным следам такого рода можно отнести: труп человека – жертвы отравления; следы введения химического вещества на трупе или теле живого человека (следы инъекций, химические ожоги кожных и слизистых покровов и др.); химические вещества в органах и тканях человека; последствия реакции организма на отравление (рвотные массы, иные выделения); характерные изменения кожных покровов человека; запаховые следы некоторых ядовитых веществ и их действия; поведение жертвы в период, следующий за введением ядовитого вещества; остатки пищи, воды с микроколичествами яда; упаковка, тара для хранения ядовитых веществ (ампулы, банки и др.); документы на получение ядовитых и иных опасных веществ; химическое оборудование для изготовления ядовитых соединений; остатки неизрасходованного яда и т.д.

В судебной медицине и токсикологии описаны типичные симптомы (синдромы) состояний человека, подвергнувшегося воздействию тех или иных ядовитых веществ (общая слабость, судороги, параличи, асфиксии, потеря сознания, тошнота, рвота и т.д.). Указанные симптомы, фиксируемые, например, в показаниях свидетелей, используются в расследовании криминальных отравлений. Вместе с тем следует учитывать, что многим ядовитым веществам свойственна широта спектра симптомов интоксикации, конкретные проявления их неспецифичны, что на практике существенно затрудняет диагностику [3, с. 433; 5, с. 300].

Также называются признаки изменения внутренних органов и тканей, выявляемые при судебно-медицинском изучении тела жертвы. Так, в случае отравления синильной кислотой или ее производными (цианидами) фиксируются: исходящий от органов и полостей трупа запах горького миндаля, светло-красный цвет трупных пятен, ярко-розовые кожные покровы, ярко-красный цвет крови [5, с. 319].

Основная часть следов – последствий любых действий с ядовитыми веществами может быть установлена только после проведения специальных исследований предварительного характера или после производства экспертизы. Экспертная ситуация нередко осложнена тем,

что может быть не известна природа яда, вызвавшего отравление (ненаправленный анализ) [3, с. 345].

При расследовании преступлений, в ходе которых используются ядовитые вещества, обязательному установлению подлежит источник поступления данных веществ к преступнику. Следует учитывать, что соответствующие деяния нередко совершаются лицами, имеющими доступ к указанным веществам по роду своей трудовой деятельности или получившими право на владение ими на законном основании [1, с. 68]. Проверка данного факта способствует определению круга подозреваемых лиц. Также целесообразно выдвинуть и исследовать версию о совершенном хищении ядовитых веществ из медицинских учреждений (аптек, больниц и др.), промышленных и иных предприятий.

Таким образом, применение криминалистических средств и методов позволяет в ходе расследования установить обстоятельства, свидетельствующие об использовании ядовитых веществ в качестве средства преступного посягательства. Решению данной задачи способствует знание следователем характерных признаков и типичных следов применения ядовитых веществ, особенностей механизма криминального отравления, практики подготовки, совершения и сокрытия конкретных действий по использованию ядовитых веществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Косарев С. Ю. Преступления, связанные с сильнодействующими и ядовитыми веществами: криминалистическая характеристика и особенности расследования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 222 с.
2. Кустов А. М. Криминалистика и механизм преступления: цикл лекций. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2002. – 304 с.
3. Плетенева Т. В. Токсикологическая химия: учебник. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Эксмо, 2008. – 560 с.
4. Самищенко С. С. Судебная медицина: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 471 с.
5. Судебная медицина: учебник / под ред. Ю. И. Пиголкина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2015. – 496 с.
6. Энциклопедия уголовного права. Том 4. Состав преступления / отв. ред. В. Б. Малинин. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. – 798 с.